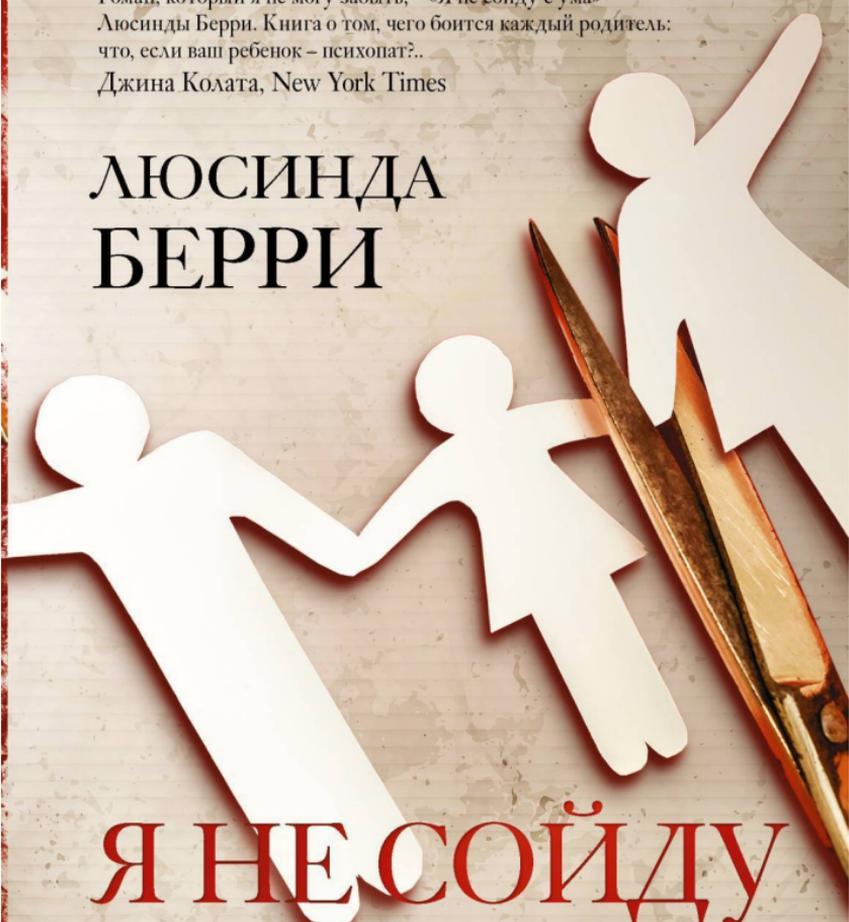

Бестселлер Washington Post и Amazon Charts

Роман, который я не могу забыть, – «Я не сойду с ума»
Люсинды Берри. Книга о том, чего боится каждый родитель:
что, если ваш ребенок – психопат?..

Джина Колата, New York Times

ЛЮСИНДА
БЕРРИ

The image features a textured, light brown background. In the center, there are white paper cutouts of a family: a man on the left, a child in the middle, and a woman on the right, all holding hands. To the right of the family cutouts, a pair of gold-colored scissors is shown, with its blades open and positioned as if about to cut through the paper figures. The overall composition suggests a theme of family, mental health, and the potential for violence.

Я НЕ СОЙДУ
С УМА

Люсинда Берри

Я не сойду с ума

Серия «Идеальный триллер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51877266

Я не сойду с ума: [роман] / Люсинда Берри: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-119719-3

Аннотация

Кристофер и Ханна счастливы в браке уже много лет, однако долгое время не могут завести ребенка. Однажды в больницу, где работает Кристофер, поступает израненная девочка, Джейни.

Несмотря на физические и психологические травмы ребенка, Кристофер и Ханна решают удочерить Джейни, которая боготворит Кристофера. Но, обижая и игнорируя Ханну, девочка мастерски манипулирует Кристофером, разрушая былое счастье супругов.

Какие тайны невинной с виду Джейни выйдут на поверхность, когда станет ясно, что Ханна наконец беременна и ждет своего собственного ребенка?

Содержание

Дело № 5243	5
1	9
2	18
3	23
Дело № 5243	27
4	31
5	40
Дело № 5243	47
6	51
7	54
8	60
9	69
Дело № 5243	76
10	79
11	84
Дело № 5243	88
12	91
Дело № 5243	97
13	105
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Люсинда Берри

Я не сойду с ума

Роман

Lucinda Berry

A perfect child

© Люсинда Берри, 2019

© Федорова А. В., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

*Моим читателям, которые были со мной с
самого начала*

Дело № 5243

Допрос Пайпер Гольдштейн

– Это ваше первое дело об убийстве, – проговорил он сухим деловым тоном. Под голубой рубашкой на груди играли мышцы.

Я много раз бывала в полиции на допросах, легче от этого не становилось. Нервы взвинчивались сами собой. Вечно такое ощущение, будто я вру, даже когда говорю правду.

Я прочистила горло.

– Не первое.

Хотела бы я жить в мире, далеко от жестокости, но со своей работой я повидала разное. Просто я не ожидала, что Бауэры окажутся замешаны в чем-то ужасном.

– Как вы узнали, что в деле наметились сдвиги?

Я взглянула на двустороннее зеркало за нами. Хотя в комнате мы были вдвоем, я знала, что мы не одни.

– Клэр рассказала.

– Клэр? – он приподнял брови.

– Коллега, – быстро ответила я.

Трудно поверить, но Клэр вошла в мой кабинет меньше часа назад. Мы всегда первыми приходили по утрам, и я предположила, что она всего лишь хочет узнать, как прошло мое свидание накануне вечером: ее оно волновало гораздо

сильнее, чем меня. Она замужем уже двадцать лет и теперь рьяно интересовалась моей жизнью. Должно быть, ей очень скучно в браке, раз моя личная жизнь так ее увлекает. Мои свидания совершенно того не стоили.

Офицер сверлил меня глазами. Он хотел узнать больше, но я не собиралась говорить. Он оперся локтями о стол и склонился вперед.

– Что именно она рассказала?

Должно быть, он новенький, я его раньше не видела. В таком маленьком городке, как Кларксвилль, даже полицейских знаешь в лицо. Он представился, когда зашел в комнату ожидания, но я тогда ничего не осознавала от потрясения.

Я пожала плечами, нервно перебирая пальцами под столом.

– Она почти ничего не сказала, но я сразу поняла, что что-то стряслось, когда она вошла в мой кабинет.

Я только что вошла в свою учетную запись на компьютере и разбирала дела на текущий день, когда Клэр просунула голову в дверь; я даже первую чашку кофе еще не допила.

– Господи, дорогая, почему бы тебе просто не ходить на свидания вместо меня? – пошутила я, но шутка осталась без ответа, и я заметила выражение ее лица.

Обычная игривость исчезла, ей на смену пришла серьезность. У каждого из нас такое есть. Лицо, с которым мы ходим, когда дело настолько ужасно, что не дает уснуть ночью, проникает в наши сны, если удастся задремать; эти дела за-

ставляют социальных работников, у которых есть дети, крепче прижимать их к себе.

– То есть вы сами догадались? – судя по тону, он не совсем мне верил.

Я ненавидела работать не сообщая. Нельзя быть по другую сторону закона и не чувствовать себя преступником. Невозможно.

– Я догадалась, что случилось что-то ужасное, но понятия не имела, что именно и кто в этом замешан. – Я уже в третий раз посмотрела на телефон, мечтая, чтобы он завибрировал. Я же не под арестом. Я могла уйти, когда захочу, но тогда бы выглядело так, будто я что-то скрываю.

– Что вы подумали, когда узнали, что это семья Бауэр?

Я сглотнула, сдерживая рвущиеся из горла эмоции.

– Я надеялась, они наконец получают ответы. Они мне как семья.

Он заглянул в папку с документами перед собой.

– Здесь написано: вы первый соцработник, занимавшийся этим делом.

Я кивнула, потом вспомнила, что разговор записывается, и сказала:

– Да.

– И каково это было?

Как описать, на что были похожи последние два года? Это было самое сложное дело в моей карьере, и закончилось оно наихудшим образом. Я так много сомневалась, все время га-

дала, правильные ли решения я принимала по отношению ко всем участникам; что, если я ошибусь? Что, если я частично несу ответственность за произошедшее? Я сделала глубокий вдох, пытаясь прояснить мысли.

– Нельзя было и мечтать о лучшем доме для Джейни. Я уже двадцать лет работаю в Службе по защите прав детей и знаю, как много плохих приемных семей. Многие берут детей ради денег, для них семья – это бизнес, но Бауэры были хорошими. Они просто хотели помочь. – Мои глаза наполнились слезами, я не смогла их сдержать, как ни пыталась. Я быстро вытерла глаза, смущаясь, что показала себя такой сентиментальной. – Извините. Все происходит так быстро.

– Я понимаю, – ответил он, но я знала, что это не так. За много лет я ни разу не видела плачущего копа. Он подождал пару мгновений и продолжил: – Вам не будет проще, если мы начнем сначала?

Какая разница, с чего начинать? Легко все равно не будет.

1

Ханна Бауэр

– Я это так не оставлю. Не буду с ним говорить, пока не извинится, – заявила Обри бескомпромиссным самоуверенным тоном, присущим всем незамужним женщинам, не поднимая глаз от телефона. Я уже почти забыла о ее присутствии, потому что она не отрывала глаз от телефона с того момента, как мы вошли в комнату отдыха больницы, ее пальцы с сумасшедшей скоростью летали по экрану.

Мы со Стефани синхронно закатили глаза. Последние десять минут Стефани костерила своего мужа: как он разбрасывает грязные носки по всему дому, не выносит мусор и не смывает курчавые черные волосы в раковину после бритья. Она указала ему на это, тем самым возобновив давнишний спор о том, что она кобыла, а он не желает нести свою долю домашних обязанностей, которые за десяток лет в браке другой бы твердо усвоил. Спор перерос в жуткий скандал.

– От злости он становится таким авторитарным. Заговаривает мне зубы, сваливает все на меня, сама не замечаю, как уже я начинаю извиняться. Меня это с ума сводит, – продолжала Стефани, запихивая разогретые в микроволновке макароны в рот.

– Слушай, я вчера вечером уже говорила, нам нужны вы-

ходные без мужчин. Мы давно не собирались, – сказала я. В прошлый раз мы заселились в отеле «4 Сезона» и бездельничали, попивали вино на краю бассейна и балдели в спа. Мне тогда понравилась маска для лица с папайей, давно хотела ее повторить.

– Конечно. Говори когда, – ответила Стефани.

Один из наших коллег, Карл, засунул голову в дверь:

– Эй, вы нам нужны.

Мы мгновенно пришли в движение, убрали за собой беспорядок и вышли, втирая в руки антибактериальную пену. Сестринский пост гудел от движения и нетерпения, все были наготове. Стефани сразу преобразилась в старшую медсестру и напрямик направилась к доктору Холлу. Под управлением этой парочки отделение неотложной помощи работало как часы.

Я склонилась к Карлу:

– Что случилось?

– Точно не знаю, – пожал он плечами. – Кажется, потерявшийся ребенок, в тяжелом состоянии. «Скорая» приедет в сопровождении полиции.

У меня в животе все перевернулось. Одно дело лечить больных детей. Другое дело – травмированных, а присутствие полиции всегда предвещало особо тяжелые случаи. К этой части своей работы я никогда не привыкну. Я посмотрела на пульт, проверяя, сколько моих палат открыты, и выдохнула с облегчением, увидев, что все закрепленные за мной

кровати заняты. Кнопка вызова у восьмой кровати мигала, и я отправилась проверить, чего хочет Элоиз.

Она была у нас частым гостем. Вдова, она часто приходила в неотложную помощь, чтобы справиться с одиночеством. С ней никогда не происходило ничего серьезного. Одна из самых здоровых восьмидесятилетних людей, с кем я работала, но пару недель назад она приехала в уверенности, что умирает. Жаловалась на острую боль в бедре и боялась, что у нее тромб.

Она улыбнулась с постели, морщинки под глазами пришли в движение. Жестом попросила подойти. Я наклонилась, привычно приобняв ее. Мое обоняние уловило знакомый запах ванили и талька. Она крепко сжала меня в объятиях, а потом оттолкнула на расстояние вытянутой руки, все еще удерживая за предплечье.

– Здравствуй, милая. Не хотела беспокоить, но вы еще не получили моих результатов?

Я покачала головой и подошла к изголовью поправить капельницу.

– Мы все еще ждем результатов от лаборатории УЗИ. Извините. Это может занять некоторое время, сегодня вечером много работы.

Как по заказу, наш разговор прервал звук полицейских раций. Элоиз выглянула из-за ширмы, пытаясь разглядеть полицию.

– Что тут происходит?

Она наклонилась, пытаясь заполучить лучший обзор.

– Там так много полицейских. Почему? Я в опасности?

– С вами все будет хорошо. Я не допущу, чтобы с вами что-либо случилось, – я похлопала ее по руке. Рыхловатая кожа говорила о том, что у нее снова обезвоживание.

– А вам, мисс Штучка, – я игриво погрозила пальцем, – надо больше пить. Сколько раз я это уже говорила?

Она опустила голову, но не смогла скрыть улыбку в уголках губ. Я проверила ее жизненные показатели, отметила их в табличке.

– Я буду следить за вашими анализами и сообщу, как только что-то узнаю. Договорились?

– Договорились, – она скрестила руки на груди, устраиваясь поудобнее. Закрыла глаза, часть морщин на лице разгладилась. Она мне как-то сказала, что не может спать одна, боится, что кто-нибудь вломится к ней в дом, пока она спит. Неудивительно, что в больницу она всегда попадала ночью. Она сказала, даже не открывая глаза: – Попробуйте разузнать, что здесь делает полиция.

– Попробую, – пообещала я, уже направляясь проверить других моих пациентов. Я бы не смогла ей рассказать, даже если бы что-то узнала.

Ночь становилась все насыщеннее, и до четырех я ни разу не присела. Я налила себе кофе и включила компьютер, собираясь заняться записями, пока у меня короткая передышка. Стефани пододвинула ко мне стул.

– Слышала, что случилось? – спросила она.

Я уже и забыла про полицию. Я покачала головой.

– У меня ни секунды свободной не было. Мы еще и люмбальную пункцию пациенту с шестой кровати делали. – Я открыла файл первого пациента и принялась просматривать его анализы крови в поисках нужного для отчета. – Что я пропустила?

– Полиция привезла брошенную маленькую девочку. Ее избили. Бродила по парковке в одном подгузнике и каком-то странном ошейнике на шее. Ужас, да? – Она говорила быстро, чтобы успеть рассказать прежде, чем ее позовут к следующему пациенту. – Она не подпускала к себе полицию. Полицейским только втроем удалось запихнуть ее в машину. Грязная, руки в крови, а нам не разрешают ее помыть, пока они не соберут все улики. Никто понятия не имеет, кто она и откуда.

Во мне поднялся гнев на несправедливость. Почему в этом мире детей дают тем, кто их бьет? Почему не тем, кто мечтает о ребенке, как я?

Мы с мужем, Кристофером, годами пытались завести ребенка, но нас подстерегало одно разочарование за другим. Когда наш врач поставил мне бесплодие, мы обратились к другому, но тот лишь подтвердил диагноз: я никогда не смогу сама зачать ребенка. Я сглотнула с горечью. Бывают дни легче, но сегодня не один из них.

– О родителях что-нибудь известно? – спросила я.

– Нет. Ничего. Подозревают, что она либо пришла из трейлерного парка по другую сторону дороги, либо ее там кто-то высадил.

Она поморщилась от отвращения.

– Она тощая, словно много дней ничего не ела.

– Бедняжка. Надеюсь, ее родителей найдут, и это окажется случайностью, каким-нибудь недоразумением.

Стефани подняла брови.

– Случайность? Что за недоразумение может привести к тому, что твой младенец потеряется на парковке в одном подгузнике? И еще кровь. Об этом ты забыла?

– Кто-то же должен быть оптимистом.

Хотела бы я и вправду быть столь оптимистична, как делала вид. Раньше я была такой. Больше не могу.

Стефани рассмеялась и сжала мою руку.

– Вот это мне в тебе и нравится, – сказала она перед уходом.

Дома Кристофер ждал меня с чашкой ромашкового чая. В одной руке у него была собственная чашка утреннего кофе, а в другой – моя любимая кружка с надписью «Мопсов много не бывает», хотя собак у меня никогда не было. В последние два года я работала в ночные смены, а он – днем, если ничего не случалось, так что мы редко бывали дома одновременно, но нам такой график подходил. Он давал нам возможность соскучиться, а это иногда важно для отношений, даже если любить друг друга так сильно, как мы.

Я сбросила туфли, взяла кружку и прошла за ним в гостиную. Плюхнулась на диван, утонув в нем, перьевые подушки приняли форму моего тела. Когда мы только купили дом и обставляли его, этот предмет мебели вызвал больше всего споров. Гостиная – первая комната, которую видишь, войдя в дом, и ему казалось, там уместен строгий диван, чтобы все выглядело мило и безупречно. Но дом не очень большой, и другой гостиной в нем не предполагалось, так что я понимала, что здесь мы будем проводить все время, а значит, диван должен быть удобным. В итоге я победила, а он потом неоднократно говорил, как рад, что его не ждет дома жесткий диван.

Он сел на другом конце, я вытянула ноги ему на колени. Он снял с меня носки и начал массировать ступни. Когда я первый раз рассказала сестре, как он массирует мне ноги после работы, она заявила, что это только пока мы молодожены, но он все еще так делал спустя много лет брака. Если я заставала его дома после смены, он массировал мне ступни. Точка. И неважно, если сам оперировал двенадцать часов подряд.

– Ну? – спросил он, поднимая брови.

Невозможно работать в медицине и не попасть под ее влияние. С течением лет мы стали личными психотерапевтами друг для друга. Мы, как никто другой, понимали, что значило нести ответственность за жизни других людей. Не работающему в медицине этого не понять.

– Элоиз опять у нас.

– Что на этот раз?

– Тромб.

– И?

– Отрицательно.

Он улыбнулся. Он зачесывал темные волосы назад, прикрывая прядями начинающую лысеть макушку. Его очень беспокоила потеря волос, а мне было все равно. Я любила его усталый вид, как по мне, он с годами становился только привлекательнее. Мужчинам в этом плане вообще везет. Даже морщины ему к лицу.

– Как у тебя прошел день? – спросила я.

– Две операции. Три консультации.

Кристофер работал хирургом-ортопедом в больнице «Нортфилд Мемориал», там же, где и я. Это самый крупный региональный госпиталь в Огайо, мы и познакомились там в кафетерии, когда он еще был первокурсником, работал целый день и учился ночами. Он был таким сосредоточенным и целеустремленным, что едва не упустил меня из виду, но рабочая этика принесла свои плоды. В итоге он оказался в ординатуре, потом остался работать по специальности.

– Интересные случаи были? – спросила я.

Он покачал головой.

– Кстати, пока не забыл, обязательно прочитай письмо от Бианеллы. Она хочет, чтобы мы поехали на следующих выходных на семинар по международному усыновлению. Там

будет круглый стол для родителей о скрытых сложностях при усыновлении детей из-за границы, – сказал он.

Бианелла – наш специалист из органов опеки. Мы связались с ней после того, как репродуктолог в последний раз усадил нас перед собой и рассказал мрачную статистику. Мне уже было под сорок, и нас не прельщала судьба престарелых родителей. Я тогда думала, что усыновить ребенка очень легко, но в свое время я так же думала, что очень легко забеременеть. У нас уже была одна неудачная попытка, и она принесла столько же боли, как и выкидыши.

– Я не уверена, что готова взять ребенка-иностранца, – сказала я.

– Знаю. Я тоже. Просто почитай письмо и скажи потом, что ты думаешь. – Кристофер убрал мои ноги с коленей. – Мне пора собираться.

Он пошел на кухню поставить кружку в посудомойку, я двинулась напрямиком в спальню, но вдруг кое-что вспомнила.

– Кристофер! – окликнула я.

– Что?

– Я забыла кое-что рассказать. – Я сделала паузу, чтобы убедиться, что он слушает. – Полиция сегодня привезла брошенного маленького ребенка.

2

Кристофер Бауэр

Я только что вернулся в кабинет после изнурительной шестичасовой операции по восстановлению кисти, которая оказалась гораздо сложнее, чем мы ожидали. Я как раз наливал себе чашку кофе, когда вошел Дэн, заведующий хирургией. Выглядел он расстроенным.

– Можно с тобой поговорить? – спросил он, закрывая за собой дверь.

– Садись, – предложил я, показывая на стул перед моим столом. У нас не принято закрывать двери, так что, видимо, дело серьезное.

Он покачал головой, взъерошивая темные волосы. На лбу отпечатались тревога.

– Что творится с людьми? Как можно быть такими монстрами? – говорил он, меряя шагами кабинет.

Мы уже много лет работали вместе, и я впервые видел, чтобы он так нервничал.

– Может, все-таки присядешь?

– Нет-нет, спасибо. Я бы лучше выпил, – он с горечью усмехнулся. – Та девочка, которую привезли вчера ночью в отделение неотложной помощи, – жуткий случай. Ничего подобного не видел. Никогда, – он боролся с эмоциями, ви-

димо, думая о собственных трех дочерях, чьи фотографии в ряд стояли на его рабочем столе. – Представить не могу, что кто-то может сделать такое с ребенком. Просто не могу.

– О чем ты говоришь? – спросил я, подавляя любопытство.

– Наверное, теперь тебе стоит присесть, – сказал он, почти не шутя. – Ее привезла полиция вместе со специалистами по защите прав детей. Судя по всему, ее обнаружили на парковке с западной стороны от Парк Стейшн. Знаешь ее?

Я кивнул. Все знали Парк Стейшн и трейлерный парк на улицах за ней. Там цвело городское сообщество наркоманов. В эту часть города ходили только с одной целью.

– Все тело девочки покрыто старыми шрамами и синяками. Ее, видимо, долго избивали, – ему пришлось прикладывать усилия, чтобы сохранять самообладание. – Она истощена и обезвожена и выглядит как голодающие сироты в телевизоре. Понимаешь, о ком я? – Он продолжил, не дожидаясь моего ответа: – У нее на ногах сыпь, как от септической инфекции. Рентген показывает множественные переломы. Некоторые старые, другие совсем свежие. Вероятно, у врача она никогда не была, так что кто знает, что еще мы можем обнаружить. – Он прочистил горло, потом переключился на роль руководителя. – Ею будут заниматься много врачей, нам нужны лучшие, поэтому я хочу, чтобы ты взял ее дело. Первый консилиум состоится завтра утром, так что отмени все дела.

– Хорошо, конечно. Уверен, Алексис сможет все устроить, – сказал я, доставая телефон и быстро набирая письмо своему секретарю.

– Что ж, пойдём, – Дэн пошел к двери, я следом. – Как только в СМИ узнают, поднимется шумиха. Пока еще ничего не утекло. Мы попытаемся как можно дольше сохранить дело в тайне, но ты же понимаешь, что это только вопрос времени, пока они пронюхают. Уровень секретности понятен?

– Конечно, – кивнул я, хотя мне еще не приходилось работать с засекреченными случаями. У нас в городке редко случалось что-то настолько серьезное, мне обычно доставались дети после аварий или спортивных травм. Я не мог в этом признаться, но меня очень будоражила возможность быть причастным к такому необычному делу.

Мы вошли в лифт на другом конце коридора. В нем было много народу, так что по пути на третий этаж мы молчали. Там Дэн открыл дверь и жестом показал мне выходить.

– Что она здесь делает? – спросил я. На третьем этаже отделение неврологии, здесь лежат пациенты после инфарктов и инсультов.

– Здесь ее никому не придет в голову искать, – сказал он.

– Ты о репортерах?

– Репортеров мы не боимся, их легко не пускать. Мы пытаемся уберечь ее на случай, если тот, кто сделал с ней все это, вернется и будет ее искать. Мы не знаем, кто нанес ей травмы и в безопасности ли она теперь. Мы даже не знаем,

кто она такая.

Она говорит, что ее зовут Джейни, но кто знает. Она могла и придумать имя. Ее могли похитить. Постепенно мы узнаем больше.

Дэн на ходу кивал медсестрам, бегающим по отделению. Двое полицейских в форме стояли у двери в середине коридора. Дэн подошел к ним и показал удостоверение сотрудника. Я сделал то же самое. Он обернулся, посмотрел на меня и открыл дверь.

– Соберись, – сказал он.

Он зашел, и меня охватила волна печали, когда я увидел крошечного ребенка на кровати. К этому зрелищу я не был готов. Дэн сказал, что речь о маленькой девочке, но ребенок на кровати выглядел на год с небольшим. Ручки и ножки у нее были очень тонкие, казалось, они не выдержат ее, если она попытается встать. Живот вздувшийся, а голова слишком огромная по сравнению с крошечным тельцем, казалось, она не сможет ее удержать. Она была почти лысая. Только короткие клочки блондинистых волос там, где и волос быть не должно. Она посмотрела на нас глазами самого чистого голубого цвета, какие я только видел.

– Привет. – Ее губы изобразили подобие улыбки, открывая гнилой передний зуб.

– Привет, Джейни, – Дэн подошел к кровати и склонился над девочкой.

Она протянула руки.

– Обнимемся?

Он наклонился и аккуратно обнял ее, словно боялся повредить. Она вцепилась в его халат. Дэну было явно не по себе.

– Мне нравится, как ты пахнешь, – тихо, почти шепотом сказала она.

Девочка не отпускала его, так что Дэн обернулся ко мне и жестом подозвал поближе. Я обошел одну из медсестер и вошел в поле зрения девочки.

– Привет, Джейни. Меня зовут Кристофер. Я буду тебя лечить, – сказал я, тщательно подбирая слова. – Я помогу тебе.

Она отпустила Дэна и протянула руку ко мне. Ногти у нее были длинные и очень грязные. Пальцы скрючены так, что она не могла взять меня за руку.

– Привет, – задумчиво сказала она. – Вы меня вылечите?

Я кивнул:

– Да, солнышко. Обещаю.

3

Ханна Бауэр

Я была на кухне и собирала перекус на работу, когда открылась входная дверь: значит, Кристофер вернулся.

– Привет, любимая, я дома. Я так и не закончил подготовку к сегодняшнему вечеру. Затянула глупая бюрократия.

Он подошел сзади и обнял меня. Поцеловал в макушку и глубоко вздохнул. Я вытерла руки о полотенце у раковины и повернулась. Лицо у него было грустное.

– Потерял пациента? – спросила я. У него это редко случалось, но иногда бывало, если возникали другие осложнения.

Он покачал головой.

– Я видел ту брошенную девочку.

– Правда? – Я усадила его за стол.

– Бедняжка. Вся в синяках и замороженная голодом, – слова застревали у него в горле. – Люди с домашними животными обращаются лучше, чем обращались с ней.

– Все настолько ужасно? – спросила я.

Он кивнул.

Я налила ему стопку его любимого скотча и села напротив. Он пригубил, потом принялся водить пальцем по краю стакана, глядя в окно над раковиной. Я протянула руку через

стол, взяла его за руку, погладила большим пальцем по тыльной стороне ладони. Я понимала, почему тема детей так задевала его. Когда мы только поженились, такого не было, но годы борьбы с бесплодием сделали нас очень чувствительными ко всему связанному с детьми, особенно с малышами.

– Ее зовут Джейни, и она прелестна. У нее такие огромные светло-голубые глаза, что просто забываешь обо всем. – Он сделал еще глоток. – Я просматривал ее карту перед уходом. Ее так долго морили голодом, что тело начало поедать само себя. У нее множество старых нелеченых переломов, поэтому некоторые кости срослись. Ни один кусочек ее тела не остался целым. – В глазах светился гнев. – Кто мог такое сотворить?

Оба мы знали ответ на вопрос: монстр. Говорить вслух было необязательно.

– Ей нужна будет операция на локте. Был сложный перелом, а поскольку его не фиксировали как следует, кости срослись под углом почти в девяносто градусов. Многие другие кости тоже срослись неправильно из-за незалеченных переломов и травм. Мы с Дэном завтра утром займемся этим.

– Ее поручили тебе, – сказала я. Мы посидели молча, наслаждаясь короткими минутами, когда мы могли побыть вместе между сменами. – Кстати, я прочитала письмо Бианеллы о том семинаре. Даже видео посмотрела. Думаю, нам стоит пойти, – сказала я через несколько минут.

– Правда?

Я кивнула.

– Неважно, по какому пути мы пойдём, сложности все равно будут, и нам пригодится совет тех, кто уже прошел через это. Вспомни, как помогла нам группа поддержки бездетных пар.

После третьей неудачной попытки ЭКО доктор предложил нам сходить в группу поддержки для родителей, проходящих через аналогичные сложности. Никто не сможет понять все превратности бесплодия, если сам через это не прошел. Кристофер сначала был против, ему не хотелось раскрывать душу перед кучей незнакомцев, но потом он привык. Несколько пар сдружились, и мы часто ходили в гости или выпить вместе.

– Мне записать нас или ты сама? – спросил он.

– Я запишусь в перерыве сегодня вечером. Тебе лучше отдохнуть и подготовиться к завтрашнему дню.

– Джейни уже не в отделении неотложной помощи, – сказал он, читая мои мысли.

Я вздохнула с облегчением.

– Они перевели ее на третий этаж. Запихнули в одно отделение с престарелыми пациентами, для безопасности.

Я приподняла брови.

– Они всерьез думают, что кто-то будет ее искать?

Он покачал головой.

– Думаю, это просто меры предосторожности. Представить не могу, чтобы кто-то выкинул ребенка на парковке по-

среди ночи, а потом вернулся за ним, но кто знает.

Дело № 5243

Допрос Пайпер Гольдштейн

– Когда вы впервые встретили Джейни? – К первому полицейскому присоединился еще один, бывший следователь, ныне частный сыщик, с крепким рукопожатием, представился Ронем. Он пытался изображать полицейского, но гражданская одежда выдавала его с потрохами. Понятия не имею, почему он был так важен для дела.

– На третий день в больнице.

– Это нормально, что социальный работник встречает клиента не сразу? Я думал, вы должны поговорить с жертвой в течение двадцати четырех часов после происшествия.

Ненавижу, когда задают вопрос, хотя сами отлично знают ответ.

– Должны, но ее состояние было нестабильно.

У меня начинала болеть голова от яркого неоновомого света. Я потеряла виски, стараясь как можно дальше отогнать боль.

– Она была так больна? – спросил офицер Люк. Рон сообщил мне его имя. У обоих были одинаковые короткие стрижки.

Я покачала головой.

– Не больна. Истощена. Вы знаете, что умирающего от голода нельзя кормить, потому что это может его убить? – От-

вета на вопрос я ждать не стала. – Я понятия не имела. У нее случился сердечный приступ через несколько часов после поступления, потому что ее слишком много кормили, и они потом два дня ее стабилизировали. Так что я не могла с ней встретиться раньше чем через почти трое суток.

– Что вы о ней подумали при встрече?

– Она очень меня удивила, – сказала я.

– Чем? – Люк склонил голову набок и вопросительно смотрел на меня.

Я не знала, как объяснить, что удивляло в Джейни. Это сложно описать словами, вам надо было быть там тогда и видеть ее. К счастью, они видели снимки криминалистов, так что точное описание от меня не требовалось.

– Я ожидала увидеть перепуганную травмированную девочку, а Джейни болтала с медсестрами и улыбалась, когда я вошла. – Ее комната в тот день представляла буйство красок, сотрудники больницы заполнили ее воздушными шариками и мягкими игрушками. Ей все что-нибудь приносили. Я тоже не стала исключением. Я принесла маленького плюшевого мишку с сердечком в лапках. Она сидела посреди комнаты на кровати, а медсестры выстроились в очередь за ее улыбками. Она не была скована страхом, как я ожидала. О ней говорили как чуть ли не о ребенке-маугли, но она определенно была не такой.

Я с трудом смогла сдержать ужас при виде ее истощенной фигурки. Линии черепа проступали сквозь бледную кожу,

настолько прозрачную, что видно было фиолетовые вены. Скулы выступали, светло-голубые глаза выпирали из глазниц.

Рон кивнул мне, чтобы я продолжала, но без их вопросов рассказывать было тяжело. С вопросами понятно, чего от меня ждут. А рассказывая свободно, я могла сболтнуть что-то, что говорить не следовало. Нервы сжались в комок.

– Сначала с ней сложно было установить контакт, так всегда бывает. Никто не любит соцработников, даже те, кому мы помогаем. Я хотела поговорить с Джейни наедине, но она так испугалась, когда я попросила медсестер выйти, что я разрешила им остаться, – сказала я. – Мы все еще не знали никаких обстоятельств дела, понятия не имели, кто ее родители или опекуны, кто несет за нее ответственность и они ли сделали это с ней. Полиция допрашивала всех в том квартале в поисках возможных улик, но еще ничего не обнаружила. По крайней мере, насколько я знала. Полиция не всегда делится со мной всем, что им известно. – Я оборвала себя, осознав, что сказала. – Извините, я просто...

Рон отмахнулся.

– Понимаю. Не стоит извинений.

Он пристально посмотрел на Люка.

– Будет лучше, если мы будем работать в команде. – Он задержал взгляд, потом повернулся обратно ко мне: – Вы думали о ее матери? Кто-нибудь задумывался, может, она в опасности?

Я смущенно опустила голову.

– Знаю, мы должны быть беспристрастны и не делать поспешных выводов, пока у нас не собраны факты, но все почему-то были уверены, что Джейни выбросили ее родители. Или какой-то сумасшедший. Никому не приходило в голову, что еще кто-то может быть в беде. Жаль. Тогда все могло бы закончиться иначе.

4

Кристофер Бауэр

– Я во вторник пойду осматривать Джейни перед операцией. Ты не хотела бы пойти со мной, чтобы ей было комфортнее?

Я всегда посещал пациентов перед операцией, если это было возможно. Мне нравилось знакомиться заранее, а операция проходила легче, когда у меня был контакт с пациентом. Я уже не в первый раз просил Ханну о подобной помощи. Я иногда от нервов мог говорить одними терминами, а она, не прикладывая ни малейших усилий, создавала неприужденную обстановку.

– Ты же знаешь, что мне нельзя, – она покачала головой.

Сохранять присутствие Джейни в больнице в тайне долго не удалось. Как только полиция начала собирать информацию по городу, новость разлетелась со скоростью пожара, и все жаждали узнать еще что-нибудь о брошенной девочке. Полицейские круглые сутки дежурили под дверью ее палаты, и видеть ее разрешалось только лицам, включенным в специальный список. Было крайне маловероятно, чтобы кто-то попробовал тайком к ней пробраться, но все вокруг принимали высшие меры безопасности.

– Я внес тебя в список, – сказал я.

– Да ладно! Стефани говорила, там все очень строго.

– Они всегда готовы сделать исключение, когда я говорю, что мне нужна помощь самой талантливой медсестры в мире, – я ей подмигнул.

Она закатила глаза.

– Я хочу держаться от всего этого как можно дальше. И ты это знаешь.

Не только она. Были интерны и ординаторы, уклонявшиеся от обходов, когда приходили новости о Джейни. Насилие над детьми – всегда ужасно, не все могут это выдержать, но Ханна не из таких. Раньше не была.

– Ну пожалуйста, – попросил я, хотя и знал, что она почти никогда не меняет принятого решения.

– Меня это все очень расстраивает. Я не справлюсь с эмоциями, и мы оба знаем, что добра это не принесет, – сказала она, качая головой.

Я больше не давил и сам ходил к Джейни во вторник. Когда я вошел, она сидела, съежившись, у стены за кроватью. Она с каждым днем набирала вес, но все равно оставалась невообразимо маленькой. Она сидела, подтянув ноги к груди и обхватив колени руками, не отрывая взгляда от медсестры, которая вносила данные в компьютер рядом с ее кроватью, яростно стуча по клавишам. Что могло ее так разозлить? В комнате чувствовалось напряжение. Я некоторое время смотрел на обеих, сожалея, что не пришел в другой момент.

Я подошел поближе к кровати Джейни, но не вплотную: я уважал ее личное пространство. Я прочистил горло.

– Привет, Джейни. Я доктор Кристофер, можешь назвать меня доктор Крис, если хочешь. Ты меня помнишь?

Она кивнула, не оборачиваясь и не отрывая взгляда от медсестры.

Та отложила компьютер в сторону.

– У Джейни сейчас тяжелый период, обед закончился, а она не любит, когда заканчивается обед.

Я мгновенно завелся, в этом один из моих самых серьезных пунктиков: нельзя говорить о пациентах в третьем лице, когда они рядом.

– Я есть хочу, – сказала Джейни. Ее нижняя губа подрагивала.

Я засунул руку в карман халата и достал протеиновый батончик, который только чуть надкусил раньше. Показал его медсестре:

– Ей это можно? Просто кусочек шоколадки.

Медсестра уставилась на меня.

– Она не случайно на диете.

– Именно поэтому я и спросил. Надеюсь, что ей можно съесть чуть-чуть.

Она закатила глаза.

– Seriously? Протеиновый батончик? – Она развернулась на каблуках и, топая, ушла.

Ханна никогда бы так не поступила. Я так говорю не пото-

му, что она моя жена. Я умею отличить хорошую медсестру, и я сотни раз видел Ханну за работой в течение этих лет. Она была хорошей: не боялась сделать больше, чистила подносы для еды, хотя это была обязанность сотрудников столовой, оставалась поговорить с пациентами после работы, поддерживала родственников, когда тем сообщали печальные новости, делала все то, чего остальные избегали, например, отмывала рвоту.

Я убрал батончик в карман. Я был уверен, что ей его нельзя, но надо было попробовать.

– Извини, дружок, – улыбнулся я, надеясь, что она заметит мою искренность. – Я хотел поговорить с тобой о том, что произойдет завтра. – Она уставилась на меня. Я не был уверен: она так внимательно слушает или просто не понимает, о чем я. – Помнишь, о чем говорил с тобой доктор Дэн?

– Да, – ответила она тихо и неуверенно.

– Я тот доктор, который поправит твои косточки. Завтра медсестра Элли разбудит тебя очень рано. Они привезут тебя ко мне еще очень сонную. Потом один из докторов сделает так, что ты опять уснешь, и тебе будут сниться чудесные вещи. А пока ты спишь, я исправлю тебе косточки, – операция предстояла сложная. Множественные сращения простыми не бывают, а на этот раз я собирался сделать все, что в моих силах, чтобы девочке не потребовались повторные операции.

– Мне будет больно? – спросила она, и ее нижняя губа

снова задрожала.

Я покачал головой и спросил, показывая на уголок кровати:

– Можно мне присесть?

Она кивнула. Я устроился на краешке.

– Во время операции ты будешь спать, поэтому больно не будет, но не буду врать, когда ты проснешься, рука будет болеть. Извини, малышка. Увы, совсем без боли мы такое делать еще не умеем.

Ей уже причинили в жизни столько боли, что мне не хотелось добавлять. Мне не хотелось ломать кости настолько переломанному ребенку, но иного пути не было, если мы хотели, чтобы она могла пользоваться рукой.

По ее щеке скатилась одинокая слеза. Я протянул руку и стер ее большим пальцем. Я хотел притянуть ее к себе и обнять, но побоялся, что это ее напугает.

– Ну-ну, солнышко, все хорошо. Все будет хорошо.

– Обещаешь?

– Я лично прослежу за этим. Мы достанем для тебя волшебное лекарство, с которым болеть будет совсем не сильно. Знаешь, какого цвета волшебное лекарство? – Она выжидающе посмотрела на меня широко распахнутыми от любопытства глазами. – Красного. Тебе нравится красный?

Она покачала головой.

Я изобразил удивление.

– Не нравится? Как можно не любить красный?

– Мне нравится фиолетовый, – сказала она.

– Хмм... – я почесал щеку, делая вид, что думаю. – С волшебным лекарством я ничего не могу поделать, но знаешь что, может, сделаем тебе фиолетовый гипс? Хочешь?

– Фиолетовый? – переспросила она, словно не верила своим ушам.

– Ага. И я буду каждый день после операции приходить и проверять, что тебе становится лучше.

Она завизжала, широко улыбаясь. Подползла ко мне, и я распахнул руки, чтобы она залезла мне на колени. Она прижалась ко мне. Я обнял ее крошечное тельце. Никогда еще не чувствовал себя таким большим. Боялся пошевелиться, чтобы ненароком не сделать ей больно. Она казалась хрупкой, как новорожденный младенец.

Перед ее операцией я волновался так же, как перед своей первой самостоятельной операцией. Я хотел, чтобы все прошло идеально. Специалисты по детскому питанию слетелись со всего мира к ней на консультацию. Они заверили меня, что Джейни стабильна, но это меня не сильно успокоило. Я не хотел причинять ей новых страданий после всего того, что она уже пережила. Меня охватывал гнев каждый раз, когда я думал о том, кто избил ее. Полиция ни на шаг не была ближе к разгадке, чем неделю назад, но я отказывался верить, что они могут вообще не найти этого человека. Кто-то должен был понести наказание.

Джейни прижимала к груди своего любимого динозавра, когда я вошел в предоперационную. Она широко мне улыбнулась, узнав даже в хирургическом костюме. Между зубов зияла щель: несколько дней назад ей удалили гнилой передний зуб.

– Доктор Крис? – воскликнула она, сияя.

– Привет, солнышко. Смотрю, ты взяла с собой Фреда. – Я наклонился и поцеловал ее в лоб. Обычно мне бы в голову не пришло целовать пациента, но с Джейни обычные правила не действовали.

– Я хочу взять Фреда с собой, – она прижала его к груди.

– Конечно, бери, – я картинно заломил одну из его лапок. – Кажется, у него тоже сломана ручка. С этим надо что-то делать.

Она засмеялась. Я впервые рассмешил ее, и мое сердце растаяло.

– У тебя есть ко мне еще вопросы? – спросил я, хотя мы общались меньше двенадцати часов назад.

Она покачала головой, все так же крепко сжимая Фреда. Я еще раз поцеловал ее в лоб.

– Все будет хорошо. Скоро увидимся.

Я никогда раньше не оперировал при зрителях, но на этот раз соседняя комната была наполнена ординаторами и интернами. Все прошло лучше, чем я ожидал. Она хорошо перенесла анестезию, а перелом локтя оказался чистым, без осколков, которых я опасался. Я вправил его так, как это на-

до было сделать изначально. В четырех местах мускулы и сухожилия срослись, и мне пришлось их разрезать и сшить. Я и не заметил, как все закончилось, и вот ее уже везут в палату. Я замотал лапку Фреда в такой же фиолетовый бинт и отнес его в палату.

Я склонился над кроватью и положил руку ей на лоб. Веки у нее дрожали, она пыталась проснуться.

– Смотри, кого я принес, – я поднял игрушку, чтобы ее было лучше видно. Она еще не полностью пришла в себя после наркоза. На лице появилась слабая улыбка. Она схватила динозавра и поднесла его к лицу. – Смотри, у него тоже была операция. И я сделал ему такой же гипс, как и тебе.

Еще одна рассеянная улыбка. Глаза были странные. Рвотный позыв, и из уголка рта потекла желтая жидкость. Я взял зеленый тазик и быстро посадил ее. Придерживал, пока ее рвало. В животе у нее было пусто, она с ночи перед операцией ничего не ела.

– Все хорошо, малышка. Это просто действие лекарств.

Я снял с нее запачканную рубашку и укрыл свежей простыней. Нежно погладил по руке.

– Ты молодчина, солнышко. Большая молодчина.

Она закрыла глаза и провалилась обратно в сон. То и дело приоткрывала глаза, чтобы проверить, что я еще рядом. Обычно после операции с пациентами сидят медсестры, но я хотел, чтобы, просыпаясь, она видела знакомое лицо.

Я пододвинул стул и положил ноги на край ее кровати.

Она выглядела такой умиротворенной, целиком погруженной в мир сновидений. Ее окутывало спокойствие, нехарактерное для обычной Джейни. Она всегда была в движении, все время суетилась. Так приятно было видеть, что она отдыхает, пусть даже только под воздействием лекарств в ее венах. Я не мог уйти от нее. Я закрыл глаза и вскоре уснул.

5

Ханна Бауэр

Где Кристофер и почему он так задерживается? Это он забронировал столик и отправил напоминания нам в телефонные календари, так что он никак не мог забыть. Я в третий раз за десять минут посмотрела на часы. Он никогда не опаздывал без преду преждения. Воображение уже рисовало мне автоаварию на трассе 12.

Моя сестра Элисон протянула руку с идеальным розовым маникюром и налила мне бокал вина. Никогда не понимала, как она успевает следить за собой, у нее всегда столько дел.

– Не волнуйся. Он скоро придет.

Конечно, для нее опоздания Кристофера – ерунда, ее собственный муж Грег всегда опаздывает. Когда бы мы с Кристофером не договаривались с ними встретиться, мы всегда назначали время на полчаса раньше, и они все равно умудрялись опоздать. Собственно, сегодня уже даже Грег пришел, так что Кристофер и правда сильно задерживался.

Грегу явно было неуютно наедине со мной и Элисон, хотя он ни словом, ни видом этого не выдавал. Элисон мне как-то поведала, что наедине с нами Грег ощущает себя третьим лишним на свидании. И он прав. Когда мы болтали, кому-либо еще слова вставить не удавалось; так получается, когда

разница в возрасте всего одиннадцать месяцев. Мы были почти как близнецы.

– Мне попробовать с ним связаться? – спросил Грег, потирая щеку. У него всегда была тонкая мягкая щетина, он не брился начисто, но и не отращивал бороду. Спрашивал он у Элисон, словно ее разрешение ему нужнее моего.

Элисон перекинула волосы за плечи и картинно закатила глаза.

– Он не игнорирует ее со злости. В отличие от кое-кого другого.

– Будто я один так делаю, – огрызнулся он в ответ.

Они без стеснений ругались на публике, и хотя я говорила, что мне от этого неудобно, она не слушала. Кристофер примчался к нашему столику как раз в тот момент, когда они разошлись до бурной перепалки. Я вздохнула с облегчением: и оттого, что он пришел и что мне не придется выслушивать ссору Элисон и Грега в одиночестве.

– Извини, что опоздал, – он наклонился поцеловать меня, я отвернулась так, чтобы поцелуй пришелся в щеку, а не в губы. Волнение мгновенно сменилось раздражением.

– Ничего страшного, – сказал Грег. – Я позаботился о тебе, – он показал на полный стакан перед местом Кристофера. Кристофер рассмеялся и сел.

– Спасибо.

– Так где ты был? – спросила я, не желая так легко спускать ему опоздание.

– Уснул после операции Джейни, – сказал он.

– Уснул после операции?

– Знаю, знаю. Не веришь. Сам не знаю, как так получилось. Я сидел рядом и смотрел, как она спит, а потом сам вырубился. – Он протянул руку под столом и сжал мое колено. – Не заводись.

Элисон похлопала меня по руке.

– Она не заведется. Мы не так часто с вами видимся, чтобы позволить ей разбушеваться и испортить нам вечер.

– Хорошо, но только потому, что она права. И на будущее: я до сих пор на тебя сердита, – я показала ему язык.

– Как прошла операция? – спросила Элисон.

Хотя мы и виделись не так часто, как хотелось бы, мы с Элисон все время переписывались, так что оставались в курсе событий в жизни друг друга. Я всю последнюю неделю пересказывала ей новости о Джейни. Изначально следователи думали, что малышку просто бросили, но раны на ее теле поведали более печальную историю. Следы на шее и запястьях показывали, что ее регулярно держали связанной, а это переводило ее дело на другой уровень серьезности, словно бы без этого все было не достаточно ужасно.

Элисон овладела идеей отыскать ответственных. Она прошерстила базу данных пропавших детей и даже установила на телефон уведомления о новых подобных случаях. Это напомнило мне, какой она была в юридическом колледже. Мне иногда казалось, что она скучает по тем временам, хотя сама

она никогда в этом не признавалась и клялась, что лучшая работа в ее жизни – сидеть дома с мальчишками.

– Все прошло гладко. Даже идеально, – широко улыбнулся Кристофер. – Я столько раз изучал ее рентгеновские снимки, что это все равно что сертификационный экзамен.

– Что со сращениями? – спросила я. Они больше всего его беспокоили. Он часами сидел над их снимками.

– Лучше, чем я мог ожидать. Не все оказалось возможным разрезать, потому что у нее такие маленькие косточки. Это все равно что оперировать куклу. Я рад, что покончил с этим. Теперь остается надеяться, что все заживет как надо. – Он сделал глоток. – Никогда не угадаете, что мы выяснили, – он осмотрел всех, сидящих за столом, поймав взгляд каждого. – Джейни не младенец, ей около шести лет.

– Что? Да ладно! – сказала Элисон.

– Как вы это узнали? – спросила я.

– Никто не знал наверняка, сколько ей лет. Дэн подумал, что, пока она под наркозом, это идеальная возможность измерить расстояние между зонами роста, что мы и сделали. Мы все их замеряли. Ей шесть лет.

– Вау. Это как-то повлияет на ее лечение? – спросила я.

– Интересный вопрос. Прогрессирование...

Элисон прервала его:

– Извини, что перебиваю, но еще чуть-чуть, и ты начнешь говорить одними медицинскими терминами. Хватит работы на сегодня. Серьезно. Теперь веселимся.

Я рассмеялась, взяла бокал и подняла его ей навстречу. Если кому и нужен был вечер отдыха, то это Элисон. Когда-то нас растили как близняшек, а теперь у Элисон родились настоящие близнецы. Мои девятилетние племянники Кейлеб и Дилан загружали Элисон похлеще, чем любая работа, какая у меня когда-либо была.

– Знаешь, я очень рада, что операция Джейни прошла хорошо, – сказала я Кристоферу позднее тем вечером, когда мы откинули одеяло и забрались в постель. – Может, теперь ты сможешь чуть-чуть расслабиться.

Он всю неделю был очень напряжен. Все свободное время изучал ее документы. Засыпал с заметками на ночном столике, просматривал их последним делом перед сном.

– Не знаю, ощущение странное. Честно говоря, я привялся к ней сильнее, чем раньше. – Он притянул меня к себе, я прижалась к его груди. Мне нравилось ночью засыпать вместе. Это лучшая часть выходных. – Мне словно жаль, что я больше ничего не могу для нее сделать.

Я сама чувствовала то же, когда в первый раз столкнулась с жестокостью по отношению к ребенку. Первый случай не забывается. У меня это был десятилетний мальчик со сломанным носом, которого привела мать. Она пыталась убедить нас, что он просто упал, но что-то в его поведении возбуждало подозрения. Мы оставили его в больнице до приезда социального работника, и тогда он наконец признался,

что отчим ударил его по лицу за то, что мальчик случайно разлил пиво. Я несколько недель все время придумывала повод позвонить ему и проверить, как у него дела, потом моя начальница заставила меня прекратить. У меня не было выбора, оставалось смириться. Наверное, Кристоферу понадобится еще больше времени, чтобы отпустить Джейни.

– В ближайшее время она никуда не уедет, и тебе нужно будет следить за ее восстановлением и реабилитацией, – сказала я, поглаживая его руку.

– Я просто хотел бы сделать больше. Но основная часть лечения связана с вопросами питания. Там мне делать нечего, – он раздраженно потряс головой. – Нечего.

– Как работает таймер? – спросила я.

Одна из медсестер принесла старомодный кухонный таймер, чтобы Джейни могла определить, когда в следующий раз сможет поесть. Предполагалось, что часы помогут ей успокоиться.

– Она все время на него смотрит, но я не уверен, что от этого есть толк. Они и на доске записывают время еды, – сказал он и замолчал. Минуту я думала, что он уже уснул, а потом он сказал: – Надо завтра перед работой заскочить в магазин купить маркеры, чтобы посетители могли расписываться на ее гипсе и она сама могла его раскрасить, если захочет.

– О, крутая идея. – Я приподнялась и крепко поцеловала его, обвивая шею руками. – Из тебя выйдет отличный папа. Самый лучший. Я уверена. В последнее время у нас было

много дел, но теперь все устраивается, и мы можем снова смотреть на анкеты.

Дело № 5243

Допрос Пайпер Гольдштейн

– Пока мы считали, что Джейни всего три года, мы не рассматривали ее как достоверный источник информации, но все изменилось, когда выяснилось, что ей шесть. Она дала делу прорыв, – мне наконец перезвонила моя начальница. Она пообщалась с адвокатами и сказала, что я должна помогать офицерам чем только могу, что не надо ничего скрывать. Несмотря на разрешение адвоката, я все равно соблюдаю осторожность в словах. – Мы стали задавать ей серьезные вопросы, допытываясь, что же случилось до того, как она попала в больницу. Мы давили сильнее, чем раньше.

– Как она реагировала? – спросил Рон.

Сейчас мы остались вдвоем. Люк вышел за кофе. Мы уже больше часа тут сидели, и всем нам надо было взбодриться. Надо было попросить его принести еще что-нибудь съестное из автомата. Я с завтрака ничего не ела.

– В прошлые встречи я задавала ей только вопросы, позволяющие ответить да или нет, и носила с собой Айпад, ожидая, что придется использовать специальную программу для общения с неговорящими детьми с аутизмом. Хотя ей было шесть, мы думали, что речевое развитие отстает. Но программы не потребовалось. Она могла ответить на все мои

вопросы. Когда она открылась и заговорила, я поверить не могла, как хорошо у нее поставлена речь, она же, наверное, никогда не ходила в школу.

– Она сообщила что-либо о своей матери? – В нем снова проснулся интерес.

Я покачала головой.

– К сожалению, – я не собиралась направлять его по ложному следу. Мне следовало тщательнее подбирать слова. – Она по-прежнему отказывалась говорить о матери, или о ком-либо еще, зато рассказала, где она жила.

– Она описала трейлер?

– Да, очень подробно, с точностью до черных мусорных пакетов на окнах.

Следователи с самого начала думали, что она из трейлерного парка, и ходили от двери к двери с фотографией, но ее никто не узнавал. Рассказ Джейни о двух собаках, привязанных на лужайке у покосившейся кормушки для птиц, вывел их на нужное место – к последнему трейлеру слева в тупике. Полицейские рассчитывали увидеть переплетение трубок, стеклянных сосудов и странных емкостей, поскольку окрестность была известным местом производства наркоты, но вместо этого они увидели опустошенный трейлер, провонявший мочой и испорченной едой. Дыры в стенах и засохшая кровь на полу указывали на то, что здесь шла борьба. Может, и не один раз. Но гардеробная в дальней спальне поразил всех сильнее всего.

Рон разложил по столу фотографии, как карты в покере. Он показал на изображения хомутов и собачьего ошейника. Они вызывали во мне еще большее отвращение, чем стены со следами крови. С другой стороны, хорошо, что у него есть фотографии. Такое сложно описать словами, это надо увидеть, и я решила, что он все видел.

– Она это описала? – спросил он.

– Нет. Она не упоминала о дальней спальне.

– Вполне понятно. Трудно представить, чтобы ребенок захотел болтать о таком.

Я постаралась выкинуть из головы изображения гардеробной.

– Но то, что она рассказала, позволило нам установить точный адрес, а следом и имя.

– Бекки Уотсон?

– Да.

Последние четыре года трейлер сдавался Бекки Уотсон. Больше никто в договоре аренды не указан. Полиция поговорила с управляющим, но он ее вообще не помнил, сказал, она держалась сама по себе. Единственное, что он мог рассказать, это что она всегда платила вовремя, но он дал нам еще более ценную деталь: номер ее страхового свидетельства. Вскоре у нас на руках уже было свидетельство о рождении Джейни и подтверждение, что Бекки – ее мать. Также подтвердилось, что Джейни шесть лет, а не три.

– Что привело вас на сайт для сбора пожертвований?

– Как только у следователей службы по защите детей появилось имя, они начали искать информацию онлайн и обнаружили, что Бекки делала вид, будто у Джейни рак, и создавала фальшивые аккаунты на сайтах, чтобы люди переводили ей деньги на медицинские расходы. Поэтому Джейни брили налысо. У нее обнаружилось семь аккаунтов, где Джейни фигурировала под разными именами и с разными диагнозами, все с фотографиями.

Они проследили, что все аккаунты велись с компьютера в трейлере. История транзакций Бекки показала переводы со счета на «Пэйпэл» на ее личный счет, а в банке сохранились записи с камер, на которых она обналичивала все пожертвования. Вся активность по счетам прекратилась накануне обнаружения Джейни.

– А что по поводу крови в трейлере? – спросил Рон.

– Это та же кровь, что была на Джейни.

Я не знал, зачем он задает вопросы, на которые уже знает ответы. Может, это проверка. Изначально полиция думала, что Джейни ранена, потому что она была вся в крови.

Только в больнице, когда ее помыли, выяснилось, что кровь не ее. У нее на теле было много старых порезов и шрамов, но свежих ран не было.

– Это кровь ее матери? – спросил он.

Я кивнула.

6

Кристофер Бауэр

Как только у меня выдавалось свободное время, я мчался на третий этаж, чтобы побыть с Джейни. Чем больше времени я с ней проводил, тем меньше ее жалел, и тем больше восхищался силой человеческого духа, способного выдержать столь невообразимый кошмар. Несмотря на все пережитое, она сохранила невинность. Это было видно по глазам, по ее взгляду.

Весь день Джейни был расписан: процедуры, консультации с разными врачами. Все, что она делала в больнице, преследовало какую-то цель, и я взял на себя задачу научить ее веселиться. Первая игра, в которую я с ней сыграл, была «Сундучки», и ей безумно понравилось.

– Лезь в сундучок, доктор Крис! Лезь в сундучок! – вопила она, подпрыгивая на кровати, как на батуте.

Я позволил ей выиграть, потому что ее реакция на это – лучшее, что было в моем дне. Я даже стал ходить к ней в обеденный перерыв, чтобы проводить с ней больше времени.

– Что же ты будешь делать, когда ее здесь не будет? – спросил как-то Дэн, когда я примчался на консультацию к пациенту после одного из посещений.

Я не хотел думать о том, что будет, когда она уедет, хотя

обсуждения ее случая все чаще сводились к предполагаемой дате выписки и необходимости амбулаторного наблюдения. Я хотел, чтобы Ханна встретилась с ней до выписки. Раньше она отказывалась, но, может, теперь согласится, это ее последний шанс.

– Я очень хочу, чтобы ты встретилась с Джейни, – сказал я в тот вечер, когда мы сидели в гостиной и вместе складывали новый пазл. Мы годами соревновались с Элисон и Грегом в том, кто найдет самый сложный. Все время пытались поставить вторую пару в тупик. Сейчас мы бились над пазлом с кучей кошек и деталями неправильной формы. Грег сказал, они справились за три недели. Мы корпели над ним уже недели две и не были даже близки к завершению.

Ханна склонилась над столом в поисках нужной детали. Рыжие волосы она собрала в хвостик, но отдельные пряди выбивались, и она все время отбрасывала их со лба, не отрываясь от пазла. Она даже не подняла головы.

– Посмотри, как она изменилась. Ей с каждым днем все лучше. Это очень вдохновляет, – сказал я, вспоминая, как девочка показывала мне, как одна из медсестер научила ее писать ее имя. Она так сосредоточенно выводила каждую черточку и так гордилась собой, когда закончила. – Изумительно, когда кто-то так меняется просто у тебя на глазах. Это как маленькое чудо, которому становишься свидетелем. Не хочу, чтобы ты это пропустила.

Она наконец подняла голову.

– Кристофер Бауэр, должна сказать, что ты по уши влюблен.

Я рассмеялся.

– Иначе невозможно. Поэтому тебе и надо с ней встретиться. Погоди, ты тоже влюбишься. Поймешь, о чем я говорю.

Ханна Бауэр

На следующий день Кристофер впервые провел меня по коридору к палате Джейни. После всех его рассказов я не знала, чего ожидать. Как-то он сказал, что она с первого взгляда определяет, кто ей нравится, а кто нет, и изменить ее мнение о себе, судя по всему, было невозможно. А что, если я ей не понравлюсь?

Я услышала ее крик от поста медсестры. Первобытный вопль, ни на что не похожий. Бессловесный. Точно звуки пытки. Я замерла.

– Может быть, сейчас не самый подходящий момент?

Я взглянула на Кристофера, ожидая, что он со мной согласится и скажет, что мы придем в другой день, но он уже был около полицейских и открыл дверь в палату. Я передала свое удостоверение полицейскому, он записал меня в журнал посетителей.

– Вы уверены, что хотите зайти? – спросил он, возвращая мне удостоверение.

Я сглотнула страх и переступила порог. Джейни извивалась на кровати как одержимая бесом, глаза дикие. Она выла как раненый зверь. Постельное белье кучей валялось на полу. На матрасе была кровь. Две медсестры суетились вокруг

кровати, пытаюсь поймать ее, ничего не повредив. У одной из них в руках был шприц. Кристофер взялся за дело.

– Джейни, Джейни, солнышко, – сказал он нежно, осторожно проходя ближе к кровати. – Это доктор Крис. Я здесь. Солнышко, надо успокоиться.

Она все так же бестолково вопила. Он попытался ее поймать, но она была слишком быстрой. Она увернулась от его рук и свалилась на пол. Гипс с громким треском ударился об пол. Кристофер присел рядом.

– Джейни, это доктор Крис, я хочу тебе помочь, – мягко сказал он.

Она кричала.

– Джейни! – крикнул он. – Это доктор Крис!

Ее словно выключили. Она замерла, моргая, повернулась к нему.

– Доктор Крис! – по лицу расплылась улыбка облегчения.

Он подсел ближе и обнял ее. Она прильнула к его груди. Он принялся раскачиваться взад и вперед, успокаивая девочку.

– Все хорошо. Теперь все хорошо. Ты со мной, солнышко. Ты со мной.

Я ошеломленно смотрела. Секунду назад она захлебывалась от истерики, подобную которой я наблюдала разве только у шизофреников, когда их приводили в больницу с улицы. Их можно было успокоить только лекарством, но Джейни остановил просто голос Кристофера. Я не знала, что и ду-

мать. Я просмотрела на одну из медсестер в форме с Губкой Бобом. Она улыбнулась мне и пожала плечами.

Кровь на матрасе была оттого, что Джейни выдернула себе катетер, и Кристофер крепко держал ее, пока его ставили на место. Она прижалась к нему, как к любимому плюшевому мишке, а он нашептывал ей что-то все время, пока делали уколы. Она даже не поморщилась. Когда все закончилось, Кристофер тыльной стороной ладони вытер ей слезы.

– Я горжусь тобой, солнышко. Не так уж и страшно, правда? – спросил он.

Она покачала головой, глаза еще были мокрые и красные. Он поднес ее ко мне, пока медсестры заправляли постель. Я так и не сдвинулась с точки у двери. Она была такой крошечной. Казалось, он несет большую куклу.

– Джейни, я хочу тебя кое с кем познакомить, – сказал он и поманил меня поближе. – Это моя жена, Ханна. Она тоже здесь работает, медсестрой. Она очень хотела с тобой встретиться.

Джейни все так же упиралась лицом ему в грудь.

Я подошла поближе.

– Привет, Джейни. Рада познакомиться, – сказала я и положила руку ей на спину. Она вздрогнула. Я отступила.

– Ты хочешь, чтобы Ханна пришла в другой раз? – спросил он.

Она обхватила его голову и притянула ко рту, прикрывая ухо рукой, чтобы что-то прошептать ему. Он кивнул в ответ

на ее слова и повернулся ко мне.

– Давай попробуем в другой раз. Она сейчас не готова.

Кристофер чувствовал себя жутко виноватым за то, как прошла наша первая встреча, но не его вина, что мы пришли прямо после еды. Усугубило дело еще и то, что с Джейни была нелюбимая медсестра. Я твердо решила, что второе посещение пройдет лучше. Я несколько часов провела в книжном, перебирая новинки для детей. Выбор такой огромный, а я ведь понятия не имею, что нравится Джейни. Принцессы? Животные? Ракеты? Она вообще знает, что это такое? Была ли она за стенами трейлера, что она видела в жизни? Я остановилась на нескольких разномастных книгах, от Доктора Сьюза¹ до «Изысканной Нэнси Клэнси».

Кристофер предлагал мне отправиться к Джейни в одиночку, но я попросила его пройти со мной, чтобы она чувствовала себя спокойно. Я не хотела ей навязываться, не хотела тревожить ее еще сильнее. На этот раз Кристофер выбрал время сразу после одного из занятий лечебной физкультурой, после них она обычно бывала в хорошем настроении.

Когда мы вошли, она сидела на кровати и болтала с медсестрой. Лицо просияло, когда она увидела Кристофера. За тот месяц, что она провела в больнице, она изменилась до неузнаваемости. Она больше не была тем ребенком, которого он когда-то описывал. Она все еще была маленькой и ка-

¹ Американский детский писатель и мультипликатор.

залась гораздо младше шести лет, но живот уже не выпирал. Она набрала больше трех килограммов, тело округлилось. Глаза у нее бледно-голубые, почти прозрачные. Она превратилась в чудную девчушку с лицом херувима и копной светлых кудряшек.

– Привет, доктор Крис! – помахала она ему. Рука все еще немного скрючивалась, несмотря на все упражнения.

– Привет, малышка, – сказал он, подходя и целуя ее в макушку.

– Садись давай, – приказала она, показывая на кровать рядом с собой.

Он знаком показал мне подойти поближе.

– Джейни, помнишь, на днях Ханна приходила тебя навестить? Сегодня она снова пришла со мной.

– Привет, Джейни, – сказала я.

Она посмотрела на меня пустыми глазами, ни намека на то, что она меня узнала.

Я осторожно подошла, держа книги перед собой как жертвенное подношение.

– Я принесла книжки. Хочешь почитать со мной?

Она взглянула на Кристофера в поисках одобрения.

– Давайте все вместе читаем? – предложил он.

Она кивнула. Кристофер показал на кровать рядом с собой, я села, матрас опасно скрипнул под моим весом. Джейни забралась к Кристоферу на колени. Я веером разложила перед ней три книги.

– Какую ты хочешь прочитать?

Она тщательно изучила книги и выбрала «День, когда мелки вернулись домой».

– Хороший выбор, – сказала я. – Одна из моих любимых.

Я раскрыла книгу и начала читать. История завладела ею с первой же страницы. Она тянулась, чтобы лучше видеть книгу со своего места у Кристофера на коленях. Тот постепенно придвигался в мою сторону, пока, наконец, она не оказалась между нами, сидя на коленях у нас обоих. Кристофер, сияя, посмотрел на меня. Моему сердцу стало тесно в груди.

8

Кристофер Бауэр

Имя Пайпер Гольдштейн высветилось у меня на экране мобильного. Это социальный работник Джейни. Дэн дал мне ее номер, и я отправил ей утром сообщение. Мы с Ханной еще дважды читали с Джейни за последнюю неделю, и вчера Ханна предложила забирать ее иногда из больницы. Мне понравилась идея, и я сразу же начал просчитывать варианты. Я поспешил к себе в кабинет, плотно закрыл дверь и только тогда ответил на звонок.

– Алло? – сказал я.

– Добрый день, это Пайпер Гольдштейн, вы хотели со мной поговорить.

– Спасибо большое, что перезвонили, Пайпер, – сказал я и сразу же перешел к делу. У меня через двадцать минут была назначена консультация, а к ней еще надо успеть подготовиться. – Я хотел поговорить с вами о Джейни. Я...

Она перебила меня:

– Вы наверняка сами знаете, но, прежде чем вы скажете, что хотели, должна предупредить, что я не все смогу рассказать вам о Джейни. Меня связывает профессиональная тайна, а также обязанность молчать о фактах, связанных с еще не завершенным расследованием.

Я и сам имел дело с врачебной тайной, так что отлично понимал, о чем она. Я этого ожидал, учитывая характер дела Джейни.

– Конечно, понимаю, – сказал я.

– Хорошо, что мы это прояснили с самого начала.

– Безусловно, – я прочистил горло. – Я один из врачей, наблюдающих за Джейни с самого ее поступления. Я хирург-ортопед, я ее оперировал и потом следил за реабилитацией, но сейчас я стал ей скорее другом. Мы много с ней играли в «Сундучки»...

Она снова перебила:

– Вы тот самый Кристофер?

– По-видимому, да, – рассмеялся я.

– Медсестры Джейни рассказывали о вас много хорошего.

– Спасибо, я на них тоже не нарадуюсь. О ней заботятся чудесные люди. – Я и правда не встречал раньше пациента с такой сильной группой поддержки. Вокруг нее крутилось столько людей. Это напомнило мне, за что я влюбился в медицину.

– Так чем я могу вам помочь? – спросила Пайпер.

– Мою жену зовут Ханна Бауэр, она работает медсестрой в больнице. Вы можете нас обоих найти в списках сотрудников. В общем, мы бы хотели иногда забирать Джейни из больницы на пару часов.

Ханна теперь каждый вечер пораньше уходила на работу, чтобы почтить Джейни перед сном. Им обеим это нрави-

лось. Сегодня утром она предложила сводить Джейни в парк через дорогу от больницы. Я раньше о таком не задумывался, но признал, что идея отличная. Я пообещал, что узнаю правила и выясню, сможем ли мы получить разрешение на прогулки.

– Вау. Похоже, Джейни в надежных руках, – сказала Пайпер, а я почувствовал в ее голосе сомнение. – Но я не уверен, что это хорошая идея.

Я постарался не выказать обиды.

– Могу я спросить почему?

– Поверьте, я знаю, как сильно некоторые случаи западают в душу, но надо соблюдать осторожность, чтобы не пересечь черту.

– Я бы не сказал, что погулять с ней в парке – значит пересечь черту. Она уже почти пять недель в больнице, и я уверен, что она была только в молитвенном двореике со специалистом по трудотерапии. Думаете, это очень весело? – Я дал ей секунду на размышления, а потом добавил: – Мы только хотим, чтобы она хоть на несколько часов могла почувствовать себя обычным ребенком.

Голос Пайпер стал мягче.

– В этом деле слишком много переменных, о которых вы не знаете. Это...

– Я понимаю, что дело запутанное. Мы не пытаемся в это влезать. Просто хотим дать ей возможность побегать по солнцу.

– Учитывая риски, связанные с ее делом, вы можете поставить себя в опасность.

Я не опасался, что кто-то придет забрать Джейни. Этого я никогда не боялся. Кто бы там ни был, они явно бросили Джейни, им она не нужна. Чтобы понять это, достаточно было взглянуть на ее тело.

– Я понимаю ваше беспокойство, но все будет хорошо. Я хочу только убедиться, что ей можно выходить из больницы, и узнать, не должен ли я заполнить какие-то заявления, – я позвонил из вежливости, а не чтобы спрашивать разрешения.

Она перешла на шепот, словно кто-то мог подслушивать:

– Послушайте, мне не следует это говорить, но вы, похоже, человек честный, я хочу предостеречь вас.

– Предостеречь от чего?

– Мать Джейни.

Никто ничего не знал о родителях Джейни. По крайней мере, мне так говорили.

– Вы узнали, кто ее мать? – спросил я.

– Да. – Она дала мне время осознать услышанное, потом продолжила. – Мать Джейни умерла, и полиция подозревает убийство.

– Джейни вы об этом рассказывали?

Меня переполняла жалость к девчужке. Дети любят своих родителей, даже когда те плохо с ними обращаются. Это нечестно. Вся эта ситуация несправедлива по отношению к

ней.

– Да, – ее голос стал не таким бесчувственным. – Я сказала ей сегодня утром.

Я был у Джейни после обеда, и она ни словом не обмолвилась о своей матери. Все было как всегда. Сегодня она была в отличном настроении, попросила выучить новую игру. Может, она до сих пор не пришла в себя, а может, это ее метод бороться с трудностями. После всего, что она пережила, я никак не мог понять ее поведение.

– Они считают, что, кто бы ни убил мать Джейни, это тот же человек, что избивал Джейни?

– Как я уже сказала, я не все могу рассказать, так как расследование еще не завершено, полиция сейчас хватается за любой след, – она сделала паузу. – Теперь вы понимаете мои опасения?

Большую часть вечера я пересказывал Ханне свой разговор с Пайпер, но она была слишком увлечена ссорой Дилана и Кейлеба по поводу того, чья очередь играть в Айпад, чтобы слушать внимательно. Мальчики ночевали у нас раз в месяц с самого рождения, чтобы Элисон и Грег могли выдохнуть. Несколько лет назад Грег признался, что, пока мальчишки были маленькими, они никуда не ходили. Отвозили детей к нам, а сами возвращались домой спать.

– Поверить не могу, какие они уже большие. Кажется, они каждый раз вырастают еще на десяток сантиметров, – сказала Ханна. Ей безумно нравилось быть тетей.

Она следила за ребятами, а я не мог отвести взгляда от нее, даже после стольких лет замороженный сиянием ее фарфоровой кожи и рассыпанными по носу крошечными веснушками. Я протянул ноги на кофейный столик. Она уже давно перестала с этим бороться. Битва была проиграна заранее.

– Не десяток, но технически их кости растут на девять миллиметров в день, так что они и правда стали выше.

Она хлопнула меня по руке.

– Обязательно быть таким занудой?

– Разве тебе не это во мне нравится? – Я обнял ее за плечи, она прислонилась к моей груди. Я вдохнул ее запах.

Дилан склонился над Айпадом, сжимая как золотой слиток. Кейлеб пожирал его глазами.

– Дилан, теперь очередь Кейлеба, – сказал я. Элисон и Грег были очень строги, когда дело доходило до экранного времени мальчиков. Сначала мы думали, что это проявление гиперопеки, но потом сами увидели, что гаджеты творят с ними. Казалось, это наркотик, и им все время было мало. Я переключил внимание обратно на Ханну.

– Что будет с Джейни теперь? – спросила она.

– Пайпер не знает. Судя по всему, дело Джейни – ночной кошмар юриста. Она говорит, что обычно Служба по охране прав детей помещает детей во временную семью, пока не найдут им постоянный дом, но здесь все гораздо запутаннее, поскольку мать Джейни умерла, и никто не знает, кто ее

отец и есть ли у нее еще родственники. Пока что они издали экстренный охранный приказ, который передает временное право опеки Службе по охране прав детей, пока они во всем не разберутся.

– Подумать только, сколько бюрократии, – проговорила Ханна, не отрывая глаз от мальчишек.

Я покачал головой.

– Я не понимаю, почему они держат в секрете смерть ее матери, – сказала Ханна.

Я понизил голос, чтобы дети не услышали.

– Она сказала, они не хотят, чтобы тот, кто напал на Бекки, знал, что она умерла. Наверное, думают, что он может как-то проявить себя, если будет думать, что она еще жива. Или хотят поймать его в ловушку.

Она нервно посмотрела на меня.

– Как ты думаешь, нам точно надо идти?

Мы планировали отвести Джейни в парк за бакалеей. Он находился в шести кварталах от больницы, и нам он нравился тем, что он маленький и уединенный. Я поговорил с психологом Джейни, спросил, не слишком ли ее возбудит такая прогулка, но она согласилась, что идея блестящая, только посоветовала сделать все как можно проще и тише.

Мы выбрали этот парк, потому что в нем почти никогда никого не бывает, окружение других детей могло оказаться для нее чересчур. Но хотя там и мало народу, он все равно на виду. Я не хотел подвергать нас опасности.

– Пайпер сказала, что, если мы решим пойти, они могут послать за нами патрульную машину без опознавательных знаков, чтобы следить, если будет что-то необычное или подозрительное.

Тревога оставила ее.

– В таком случае нам не о чем волноваться. Если они там будут, ничего не случится.

Мы посмотрели на спины Дилана и Кейлеба, они играли вместе, смеялись, визжали и иногда громко вопили.

– Все это так нечестно, – сказал я. Это больше всего поражало меня в сложившейся ситуации. Джейни ни в чем не виновата. Она всего только родилась, а родителей мы не выбираем.

– Ужасно, – согласилась Ханна.

У нас обоих были чудесные семьи. Я был единственным ребенком, родители дали мне все, что могли. Папа работал инженером, а мама сидела дома со мной. Мы никогда не испытывали финансовых проблем. Худшее, что случилось со мной в детстве, это когда наша команда Младшей Лиги проиграла на чемпионате штата в восьмом классе. У Ханны было такое же идеальное детство, только у нее еще была сестра. Мы много говорили об этом, когда начинали встречаться. Именно поэтому мы решили остаться в Кларксвилле, в штате Огайо: мы хотели, чтобы у наших детей было такое же невинное детство, как у нас самих.

Никто из нас не приложил никаких усилий, чтобы добить-

ся легкой жизни, мы родились в таких условиях так же, как Джейни ничем не заслужила своей тяжелой судьбы. Когда я был с ней, я не мог думать ни о чем кроме того, что она не заслужила всего, что выпало на ее долю. И кто за это ответит?

9

Ханна Бауэр

– Джейни, надень, пожалуйста, вот это на лицо перед тем, как мы пойдём, – попросила я.

Джейни мало была на солнце, потому что ее не выпускали из трейлера, а окна были занавешены, поэтому ее глаза были очень чувствительны к свету, и врачи дали нам специальные темные очки. Я показала ей, как их правильно надевать, потом передала ей. Она повертела очки в руках, словно не была уверена, что с ними делать. В итоге я помогла ей их надеть. Теперь надо было нанести солнцезащитный крем, и Кристофер выдавил столько, что он никак весь не впитывался, но мы не могли рисковать, ведь она могла обгореть.

Она крепко ухватила нас за руки и поскакала в шлепанцах между нами к заднему выходу из больницы. Ей все еще было тяжело идти прямо, несмотря на всю лечебную физкультуру. Она хотела передвигаться на четвереньках, даже когда ее крепко держали за руки, так что казалось, что мы ее тащим, и я была рада, что Кристофер заранее подогнал машину. Джейни по дороге махала и улыбалась всем медсестрам, она рада была уйти из больницы, пусть и всего на пару часов. А я радовалась, что мы не поддались страху и не отказались от этой затеи.

Один из сопровождающих ожидал у машины у восточного выхода. Он поторопился открыть двери, едва заметил нас. Элисон² Джейни еще не доросла. Кристофер отвез его в прошлую субботу на пожарную станцию, чтобы убедиться, что оно правильно установлено.

– Нет! Нет! Нет! – завопила Джейни, яростно тряся головой, когда я попыталась усадить ее в кресло. Она выгибалась и пиналась. Я попыталась ее опустить, но она сопротивлялась. Я не хотела применять силу, опасаясь что-нибудь ей повредить, так что она легко вывернулась из моих рук. Она с воплями бросилась на дорожку. Мы с Кристофером опустились рядом с ней на колени. Я попыталась дотронуться до нее, но она увернулась.

– Солнышко, мы очень хотим поехать с тобой в парк и поиграть, но для этого надо сесть в машину, – Кристофер говорил спокойно и уверенно. Он показал на заднее сиденье. – Это автомобильное кресло, все дети в таких ездят. Так безопаснее всего.

Она посмотрела на нас.

– Ты хочешь поехать в парк? – спросила я. Как я могла быть такой душой и не понимать, насколько ей после всего пережитого отвратительны любые ограничения. Я отметила себе на будущее, что надо всегда учитывать ее прошлое.

Она кивнула.

Я протянула руку и быстро погладила ее по плечу, потом

² Подростковое автокресло без спинки.

отвела руку обратно, я не хотела еще сильнее напугать ее своими прикосновениями.

– Тебе, наверное, очень страшно оказаться взаперти в автомобильном кресле. – Ее нижняя губа дрожала, в глазах стояли слезы. Я дотянулась до ремня безо пасности пассажирского сиденья и дернула, вытягивая к нам. – Видишь этот ремень? Все в машине должны пристегиваться, – я показала на себя. – Я поведу машину, и я тоже пристегнусь таким ремнем. А Кристофер может сесть рядом с тобой сзади. Хочешь?

Она потрясла головой, но Кристофер не обратил внимания. Он уже перебрался через ее сиденье и устроился рядом.

– Смотри, не так уж и плохо, – сказал он, похлопывая сиденье. – Давай Ханна посадит тебя в твое кресло? Я все время буду рядом. Мы поедем вместе.

Она переводила взгляд с одного на другого. Мы несколько минут простояли в молчании, и наконец она залезла в машину. Я застегнула ее ремень и села на водительское место, торопясь уехать, пока она снова не ударилась в истерику. Она сердито выпятила губу, но через пару кварталов, по мере того как она смотрела в окно, ее лицо изменилось. Она показывала на все подряд.

– Что это? А это? – спрашивала она без конца. Точно так же она задавала вопросы, когда я ей читала. Мне нравилось называть ей предметы в новом окружающем ее мире. Мы с Кристофером по очереди отгадывали, на что она показывает.

Ехать до парка было близко, так что вскоре я уже остановилась на парковке. Кристофер достал Джейни из кресла, а я взяла из багажника холодильник и сумку. Никогда мы еще не ездили на пикник с таким маленьким количеством еды. Обычно я брала с собой слишком много, и половину мы потом везли обратно домой, но Джейни можно было очень немного, и в итоге мы смогли взять только греческий йогурт и пюре из горшка. Все ее меню должно было быть одобрено диетологом. Мы принесли собственные ложки, чтобы тоже есть йогурт и пюре, и она не чувствовала себя отличающейся. Идея пришла в голову Кристоферу, и, по-моему, это блестяще.

– Джейни! – вдруг крикнул Кристофер откуда-то спереди.

Она мчалась через парковку к дороге. Он бросился за ней быстрее, чем я когда-либо видела. Одним ловким движением он отловил Джейни и на руках понес обратно через парковку. Когда он вернулся, он все еще тяжело дышал. Она уткнулась лицом ему в плечо, устроившись в ямочке у ключицы. Он выглядел напуганным. Я погладила ее по спине.

– Я всего на секунду отвернулся, – едва дыша, проговорил он.

Я другой рукой погладила его по плечу.

– Все хорошо. Бывает. Помнишь, каково было с близнецами?

У мальчишек энергия всегда была через край, особенно в раннем детстве, и ни малейшего чувства опасности. Они

вечно куда-нибудь убегали – и всегда в разных направлениях.

– Мы справились в свое время с близнецами, значит, точно справимся и с ней, – сказал он, стараясь звучать убедительно, но оба мы знали, что с близнецами все было совершенно по-другому.

Я жестом показала ему, чтобы он пошел с Джейни на игровую площадку.

– Иди поиграй с ней. А я тут все подготовлю.

Я отыскала тенистый участок под деревом, расстелила покрывало, на улице было очень приятно. Весна непредсказуема, но сейчас была идеальная погода для пикника в парке. Я села на покрывало, минуту просто впитывала в себя солнце. Нет ничего лучше, чем чувство солнечных лучей на коже после долгой зимы. Чем старше я становлюсь, тем тяжелее мне даются зимы, и я начинаю понимать, почему на пенсии многие уезжают на Средний Запад.

Я понаблюдала, как Кристофер спускается с горки, посадив Джейни перед собой и крепко обхватив руками. Она визжала от восторга. Он прав, за ней очень здорово наблюдать. Она светилась от радости, давно позабыв недавние переживания.

– Еще! Еще! – кричала она каждый раз, когда Кристофер делал вид, что устал играть.

Никогда раньше я не видела, чтобы Кристофер вел себя так по-детски. В тысячный раз я ощутила болезненный укол

оттого, что не смогла ему дать. Он всегда был рядом, помогал мне, обнимал, когда я плакала, приносил цветы, убеждал, что мы и без детей оставались семьей, но я знала, что он тоже сожалеет. Он хотел детей так же сильно, как и я. Он никогда не понимал, как тяжело мне не иметь возможности дать ему это, хотя ради меня он всегда старался быть сильным. Я отбросила мысли в сторону. Незачем портить такой отличный день.

Играть в парке с Джейни оказалось совсем не так же, как играть с Кейлебом и Диланом. Она понятия не имела, что это за штуки вокруг, и жадно все впитывала с широко открытыми глазами. Она двигалась, как малыш, еще неуверенный в своих шагах и плохо держащий равновесие. Она не знала, как карабкаться, мы везде ей помогали. Кристофер говорил, что ее инструктор по лечебной физкультуре хорошо отзывался о прогрессе Джейни и уделял много внимания восстановлению и укреплению ее мышц, но ей еще было над чем поработать.

Что с ней будет? Сможет ли она наверстать все важные вещи, упущенные в ее развитии? Есть ли еще такие дети? Выздоровливают ли они после таких травм? Я не могла не разделить чувство ответственности Кристофера перед Джейни. Как мы могли знать, что после больницы она попадет в хорошую приемную семью, а не один из жутких приютов, о которых говорят в новостях? А если семья с ней не справится и она превратится в дитя системы, так и будет кочевать из

одного дома в другой? А если она подсядет на наркотики или станет проституткой?

Мы не могли этого допустить. Наверняка мы можем сделать что-то большее.

Дело № 5243

Допрос Пайпер Гольдштейн

– Какое мнение у вас сложилось о Бауэрах, когда вы встретились с ними лично? – теперь вопросы задавал Люк. Рон отодвинулся в угол и отклонил стул назад к стене, скрестив руки на груди и уставившись на меня.

Я положила руки на столе перед собой.

– С первой же встречи стало очевидно, что у Криса уже установилась тесная связь с Джейни. Она не слезала у него с колен и говорила только с ним. Ответы на мои вопросы она шептала ему на ухо, а он работал переводчиком.

– Мы слышали от других, что он был с ней очень нежен. Это правда?

Я кивнула.

– Он сам высоченный, под два метра ростом, но с ней обращался как с плюшевым медвежонком. Неудивительно, что она его так любила.

Кристофер был человеком, в которого сложно влюбиться в подростковом возрасте, он слишком милый, слишком правильный. Совсем не похож на плохого парня. В молодости таких навсегда помещают в категорию друзей. А потом? Он был именно тем, с кем хочется создать семью и прожить всю жизнь.

– А Ханна? Какое впечатление на вас произвела она? – спросил Люк.

– Она гораздо больше Кристофера волновалась, но тоже очень хотела забрать Джейни домой.

– Вы обсуждали, какие проблемы могут возникнуть, если они возьмут на себя заботу о Джейни?

– Безусловно.

Я всегда открыто говорила им обо всех сложностях с Джейни. Если ребенок и приемные родители не подойдут друг другу, из этого никогда ничего хорошего не выйдет, поэтому я убедилась, что все понимают, на что идут, и принимают осознанное решение. Я с любой семьей так общаюсь.

– Что именно вы им рассказали? Не могли бы вы уточнить? – с улыбкой спросил Люк.

Я их слушалась. Они вежливые и милые, но только пока ты делаешь то, что им нравится, и даешь им то, что им нужно. Меня раньше уже одурачили. Больше я не дамся.

– У Джейни официально диагностирован синдром жестокого обращения с ребенком. Все всегда думают, что для ребенка нет ничего хуже сексуального насилия, но это не так. Оно не оставляет тех глубоких следов, которые мы видим у детей, на которых не обращали внимания. Не поймите меня неправильно. Сексуальное насилие – это ужасно, но как насчет пренебрежения, которое пережила Джейни? Такое отражается на развитии мозга. Рон выпрямился, стул снова встал всеми четырьмя ножками на бетонный пол.

– Как отреагировала Ханна?

– Ханна не была слепа, в отличие от Кристофера. Он был уверен, что любовь исцелит все раны Джейни, Ханна смотрела на вещи более реалистично. Она понимала, что, пережив то, что выпало на долю Джейни, нельзя выйти невредимым. Она с открытыми глазами шла навстречу трудностям и была готова бороться за нее.

– А Кристофер? Ему вы все это рассказывали?

– Конечно.

– Но он понимал?

– Как бы это объяснить... – я задумалась. – Он полностью осознавал все возможные сложности и проблемы. Но ему было все равно.

Это понравилось мне в нем больше всего. Но это и навлекло на него беду.

Ханна Бауэр

Элисон торопилась забрать Кейлеба с футбольной тренировки, и у меня было всего десять минут, чтобы все рассказать, и я говорила очень быстро.

– Думаешь, мы сумасшедшие? Это временно, пока они не найдут ей постоянный дом, но так мы дадим ей время долечиться, пока они со всем разбираются.

Я только что закончила рассказывать, что мы с Кристофером подали заявление и хотим стать временными патронатными родителями Джейни. Это означало, что после выписки она сможет жить у нас, пока они не найдут семью, которая ее удочерит. Нам с Кристофером претила мысль, что она отправится в другую семью, привыкнет, а потом ее снова оторвут от них, чтобы отправить к приемным родителям. Пребывание у нас казалось логичным продолжением больницы, и так мы ей все и объясним, если заявку одобряют.

– Вы не боитесь? – спросила Элисон.

– Конечно, боимся. Будет тяжело, но думаю, мы можем сделать для нее много чудесного.

Элисон покачала головой.

– Я не об этом.

– Ты о ситуации в целом? – Я понизила голос, чтобы точ-

но никто не мог услышать. – Думаешь, убийца Бекки может вернуться за Джейни?

– Или за тобой и Кристофером.

– Этим меня не пугаешь. – Мы с Кристофером обсудили разные варианты развития событий. Мы уже заказали установку сигнализации в доме. – Они понятия не имеют, кто ее убил. По крайней мере, так они говорят.

Пайпер была мне симпатична, но она не очень охотно посвящала нас в детали дела, и иногда складывалось впечатление, что она специально что-то скрывает.

– Как вы можете быть уверены, что он не захочет довести дело до конца? – спросила Элисон.

– Мы не можем, но она не пробудет у нас долго. Не больше двух недель, может, и еще меньше. – Я наклонилась над столом и прошептала: – Честно говоря, мне кажется, что полиция, или ФБР, или кто-то там еще и так следят за нами.

У нее расширились глаза.

– Серьезно? С чего ты так решила?

Я пожала плечами.

– У меня просто такое ощущение, будто за мной следят. Не знаю, как это объяснить. Но это не только ощущение. Мы с Кристофером оба замечали машины, едущие за нами следом и паркующиеся у нашего дома.

– И вас это не пугает?

– Нет, я уверена, что это хорошие ребята присматривают за нами. – Я улыбнулась, стараясь рассеять ее опасения. Ес-

ли бы все было наоборот, я чувствовала бы то же самое. – К тому же расследование не закончится тогда, когда ее выпишут из больницы. Кто знает, может, они поймают преступника еще до выписки и все волнения окажутся напрасными.

– Вы поступаете очень достойно, – сказала Элисон все еще с сомнением в голосе. – Но вы не боитесь слишком сильно к ней привязаться? Что будет с вами, когда они найдут ей семью?

– Конечно, я привяжусь. Да мы уже к ней привязались. Но когда она выйдет из больницы, это будет ее первый шаг в новую жизнь, и мы хотим, чтобы он оказался удачным. Она это заслужила. А вдруг иначе она окажется в приюте, где ее еще больше запугают? Так мы, по крайней мере, будем уверены, что она в безопасности, пока она не отправится в постоянный дом.

Вчера мы с Кристофером снова ездили с ней в парк, и нам все тяжелее было не рассказать ей, что мы пытаемся получить разрешение ненадолго привести ее к себе домой, потому что она сама все сильнее жаждала увидеть, где мы живем. Кристофер показал ей фотографии всех комнат. Но мы ничего не могли ей рассказать, пока это не решится наверняка.

– Я всегда знала, что из Кристофера получится отличный папа. Видела бы ты их вместе. В жизни не видела ничего более умильного.

– Отлично понимаю. Я заново влюбилась в Грега, когда увидела его с младенцами. Когда видишь их в роли отца, на-

чинаешь любить совершенно по-особенному.

– Вот именно. Наверное, ему будет гораздо тяжелее, когда придет время прощаться, они так сблизились, но мы справимся. Она заслужила безопасное место, чтобы выздороветь, пока ей не найдут идеальный дом, – с уверенностью сказала я.

– Ну, не знаю. Будем честны, меня это все немного беспокоит.

Я едва сдержала смех. Элисон все беспокоило. И всегда. У нее единственной из всех, кого я знаю, в начальной школе была язва.

– Все будет хорошо, – заверила я.

Я была гораздо спокойнее, чем было бы естественно на моем месте, но мы все делали правильно. Кристофер был поражен, когда я предложила ему это пару дней назад. И я его не виню. Обычно я не так подвержена чувствам.

– Почему нет? – улыбнулась я. – Может, сейчас нам именно это и нужно. Перерыв от других забот, возможность отвлечься от самих себя.

– Тео бы тобой очень гордился, – рассмеялся Кристофер.

Тео – руководитель нашего общества поддержки пар с бесплодием. У него позади было двенадцать попыток, и он всегда говорил, что лучший способ помочь себе – отвлечься от собственных проблем и помочь кому-то другому. И кто нуждался в нашей помощи больше, чем Джейни?

– И правда. Мы сможем продержаться ее в тепличных усло-

виях чуть дольше, прежде чем выпустить в мир. Дадим ей еще немного заботы и исцеления, на которые она вряд ли могла бы рассчитывать.

– Я, безусловно, согласен, если ты это всерьез, – взволнованно сказал он.

Кристофер Бауэр

Стать временными патронатными родителями для Джейни оказалось не так просто, как мы думали. Я позвонил Пайпер и рассказал о нашем решении. Она объяснила, что в процессе рассмотрения заявления нам нужно будет пройти обучение. Это означало, что нам нужно будет встретиться лично, и мы договорились о встрече в больнице на следующий день.

Она спокойно и уверенно вошла в палату Джейни, в джинсах и футболке, с сумкой через плечо. Ее каштановые, уже седеющие у корней волосы были собраны в свободный пучок.

– Всем привет, я Пайпер.

Она сначала пожала руку Ханне. Джейни сидела у меня на коленях, отвернув голову, когда Пайпер обратилась к ней:

– Привет, Джейни.

Джейни не ответила, даже не пошевелилась. Пайпер предупредила, что ее встречи с Джейни проходили не очень гладко, так что я не удивился, что Джейни с ней не говорила. Она в основном любила людей, но что-то в Пайпер ей не нравилось.

– Принести воды или кофе? – спросила Ханна. Она нама-

тывала пряди волос на палец, как она делает, только когда сильно волнуется или расстроена.

Пайпер достала термокружку с логотипом «Старбакс».

– Спасибо, не нужно. Сегодняшняя задача – просто сесть и познакомиться. В следующие дни мы будем много видеться. Вам может показаться, что я к вам переселяюсь, но обещаю, этого не произойдет.

Мы нервно засмеялись, пытаясь ослабить напряжение. Она сразу перешла к делу. Следующий час напоминал изнурительное собеседование при приеме на работу, которое было посвящено нашему детству, травматичным событиям в прошлом, нашим взглядам на дисциплину, истории домашнего насилия. Мы заполнили опросники о своем здоровье, образовании и работе.

Государство разработало специальные требования для опекунов и попечителей, и один из обязательных пунктов – проверка жилища. Ханна приняла это без видимого волнения, но на самом деле она очень боялась визита Пайпер. Настолько, что в полночь накануне ее прихода она уже не в первый раз драила полы в ванной. Она часа три отмывала весь дом, как человек с обсессивно-компульсивным расстройством. Наш дом не был таким чистым с самой покупки. Мы не устраивали беспорядка, но по дому было заметно, что в нем живут. Когда мы приходили домой после долгого дня в больнице, меньше всего нам хотелось пылесосить полы или мыть посуду.

Я стоял в дверном проеме и наблюдал, как она с тряпкой и ведром атакует плитку на полу.

– Дорогая, мне кажется, этого достаточно. Грязи на этом полу было не уцелеть. Мы даже не заходили сюда с последнего раза, когда ты его вымыла.

Она повернулась ко мне, на лбу выступили капельки пота. Тыльной стороной ладони отвела волосы со лба.

– Я просто хочу, чтобы все выглядело идеально.

– Ты почти что превратила наш дом в музей. Если ты этого добивалась, то весьма преуспела.

Она бросила в меня тряпкой.

– Ты невыносим. Все знают, что о женщине судят по тому, как она содержит дом. Я не хочу, чтобы она решила, будто я неряха.

– Неряха тоже может быть хорошим человеком.

– Заткнись! – рассмеялась она. – Только хуже делаешь!

– Пойдем, ночь уже. – Я подошел и взял ведро. – В раковину или в унитаз?

Она показала на унитаз, и я вылил остатки воды. Протянул ей руки и помог подняться, потом прижал к себе и погладил по спине.

– Все будет очень хорошо.

– Ты что, совсем не волнуешься? – она подняла лицо. На лбу отпечатались морщинки волнения.

Я покачал головой.

– Я знаю, что так суждено. – Я стянул резинку, чтобы во-

лосы упали на плечи. Мне нравится, когда она с распущенными волосами, но она почти всегда собирает их в хвостик. Я провел пальцами сквозь волосы.

– Я просто нервничаю. А что, если...

Я прижал палец к ее губам, заставляя замолчать на полуслове.

– Все пройдет хорошо, вот увидишь.

Дело № 5243

Допрос Пайпер Гольдштейн

– Лучших попечителей для Джейни нельзя было и желать. Я уже больше двадцати лет работаю в службе защиты прав детей и видела немало приемных семей. Поверьте, у каждой есть свои недостатки. Хотелось бы, чтобы люди брали приемных детей от большого сердца и желания помочь, но, к сожалению, обычно все не так. Многие из тех, с кем я работаю, воспринимают патронат как работу. Они это делают ради денег, семья становится бизнесом. Не все такие семьи плохи. Некоторые даже очень хорошие, но они лишь удовлетворяют основные потребности ребенка, много любви и заботы там не жди. Не поймите меня неправильно, для многих детей внутри системы даже это лучше, чем то, откуда они приехали, так что я не жалею.

– А что Бауэры? – спросил Люк.

Я отхлебнула кофе. Сливки он принести забыл, так что мне приходилось пить черный, хотя я и знала, что желудок мне потом спасибо не скажет.

– Как я уже сказала, они были из очень хороших семей. Таким опекунам действительно не все равно, что случится с детьми, о которых они заботятся. Они делают это из любви, а не ради звонкой монеты. Это семьи, где детям хорошо, и

дом Бауэров безусловно был одним из таких. Несомненно.

Специализированные патронатные дома были лучше приспособлены к проблемам Джейни, там больше опыта в общении с детьми из высокой группы риска, и они могли бы подойти лучше. У Бауэров не было опыта общения с детьми с особыми потребностями, и уж точно не с детьми, пережившими насилие. Нужны особые навыки, чтобы жить с ребенком с психологической травмой, а в том, что Джейни эмоционально травмирована, я не сомневалась, учитывая ее прошлое и наше общение. Но это не значит, что всему этому нельзя научиться. И, наверное, важно не только это. Они уже полюбили ее, а Джейни их. По крайней мере, Кристофера. Но и к Ханне она испытывала теплые чувства.

Я окончательно приняла решение в тот день, когда пришла в больницу на очередную встречу с Джейни и обнаружила их с Кристофером, обнявшихся на кровати и крепко спящих. Он был в зеленой форме, словно забежал к ней после операции. Он вытянулся на кровати, так что ноги упирались в бортик. Голова Джейни лежала у него на груди, а он рукой в защитном жесте обнимал ее. Пальчики ее ножек высовывались из-под вязаного одеяла, которое сделала для нее Ханна. Его вторая рука сжимала ее пальцы. Ее лицо было абсолютно спокойным и неподвижным. Она выглядела умиротворенной. По-настоящему умиротворенной. Никогда еще я не видела ее такой спокойной. Она ни секунды не была неподвижна. Ее мускулы все время двигались, она болтала без

умолку, захлебываясь словами.

Мне не пришло в голову их будить, хотя мы и назначали встречу, потому что момент был слишком прекрасен, чтобы все разрушить. Вместо этого я села на стул, достала ноутбук и принялась набирать отчет для суда по семейным делам. Я писала рекомендацию, чтобы Джейни определили на патронаж к Бауэрам.

12

Ханна Бауэр

Мы очень обрадовались, когда Пайпер позвонила и сказала, что нашу заявку одобрили и суд назначил нас временной патронатной семьей Джейни. Она уже шесть недель провела в больнице, и в ближайшие две недели ее планировали перевести на амбулаторное наблюдение. Кристофер прочесал Амазон и заполонил дом книгами, которые могли подготовить нас к работе с ребенком с психологической травмой. Пайпер хотела, чтобы мы уже сейчас начали приводить ее домой, потому что времени оставалось немного, и ночью накануне первого раза я была так возбуждена, что почти не спала.

На этот раз Джейни легко, безо всякой борьбы забралась в машину. Я не могла не улыбнуться этой маленькой победе. Жили мы близко, поэтому поездка была недолгой. По этой причине когда-то мы и купили этот дом. Когда мы его только выбирали, мы обсуждали, что отсюда при желании можно ходить на работу пешком или ездить на велосипеде, но вот уже шесть лет мы тут живем, и пока что никто из нас этого не опробовал.

Я заглушила мотор и повернулась на сиденье.

– Ну вот, Джейни, это наш дом. Тут мы с Кристофером

живем.

Я ожидала, что она будет осторожной и стеснительной, когда войдет, но она вела себя уверенно. Меня всегда удивляло ее бесстрашие. Кристофер вел ее за руку и показывал комнаты. Я шла рядом и очень старалась до нее не дотрагиваться. Кристофер все время призывал нас больше обниматься, но я хотела, чтобы все произошло в свое время и она пришла ко мне, когда будет готова.

Осмотр внезапно остановился на кухне. Она отпустила его руку и пулей ворвалась в комнату. Заметив холодильник, с широкой улыбкой метнулась к нему. Дернула дверцу, нахмурилась, когда та не поддалась. Показала на нее.

– Доктор Крис, помоги. Я хочу есть.

Он покачал головой.

– Сейчас не время для еды.

Она топнула ногой.

– Я голодная. Я хочу есть. Сейчас!

Она еще раз дернула дверцу, но без толку, та была надежно заперта. Ее доктора сказали нам запереть все холодильники и шкафчики, потому что иначе она может забраться и съесть все, до чего дотянется, пока ей не станет плохо. Джей-ни все еще не стоило переедать.

– Милая, хочешь выйти на улицу? – спросила я, вставая рядом с ней и надеясь отвлечь. Не кормить ее казалось мне пыткой, но врачи убедили, что лучшим для нее будет придерживаться графика.

Она посмотрела на меня, помотала головой и снова показала на холодильник. На этот раз она ударила его рукой.

– Еда! Я хочу есть!

Мы были в шаге от жуткой истерики. Вдруг Кристофер пустился в дикий пляс и подхватил ее на руки быстрее, чем она сумела возразить. Он закрутил ее.

– Ю-хуу!

Она тоскливо поглядела на холодильник ему через плечо, но он снова покрутил ее.

– Ю-хуу, – воскликнула на этот раз я. – Как ты быстро кружишься!

Постепенно у нее на лице проступила улыбка. Кристофер все кружил и кружил ее. Наконец она засмеялась и перестала смотреть на холодильник. Я выдохнула. Мы только что сдали первый экзамен на родительство.

Но на следующий день ее визит прошел не так гладко. Мы сидели в гостиной и раскрашивали картинки, как вдруг она начала кричать. Зло, яростно. Это были крики не ужаса, а гнева. Она не плакала. Не подпускала нас близко. Когда мы пытались подойти, она кричала громче.

– Все хорошо, Джейни. Нечего бояться, – сказал Кристофер.

Его слова не возымели никакого воздействия на девочку. Она его не слышала, словно была где-то в другом месте. Она хватала ртом воздух, как будто задыхалась. Кристофер протянул руки, пытаясь ее обнять, но она укусила его за за-

пьястье. Он вскрикнул и инстинктивно отдернул руку, отталкивая ее. Она взвыла.

Я нагнулась к ней.

– Милая, все...

Она плюнула мне в лицо, не дав договорить. Я вытерла лицо тыльной стороной ладони и обернулась к Кристоферу. Судя по виду, он был потрясен не меньше меня.

Джейни упала на спину и бешено замолотила кулаками по деревянному полу. Мы не успели отреагировать, как она со всей силой врезалась в пол головой. Раздался громкий хруст.

– О боже! – Кристофер схватил ее и крепко обхватил руками. Она еще раз взвизгнула и боднула его головой в нос. Он отпустил Джейни, и та снова бросилась на пол. Пара секунд, и вот она опять бьется головой.

– Она же покалечится, – сказала я. – Попробуй зайти сзади и придержать ее. Я возьму за ноги.

Он ухватил ее сзади так, чтобы она не могла его больше ударить головой. Я придерживала ее ноги. Она сопротивлялась, ее маленькое тельце было напряжено от ярости, но мы не отпускали. Она так пыталась брыкаться, что я боялась, она вывихнет себе ноги. Казалось, прошло несколько часов, пока она перестала сопротивляться и тело обмякло. Наконец все прошло, но мы еще боялись ее отпускать. Через несколько минут мы ослабили хватку, и она сразу же разрыдалась, сотрясаясь от рыданий.

Я побежала в ванную, схватила полотенце, смочила его

под краном. Я приложила полотенце ей ко лбу, как если бы у нее был жар, надеясь, что это немного остудит ее разгоряченное тело. Мы старались успокоить ее, по очереди обнимали и гладили по спине. Кристофер попытался отвлечь ее на видео в своем телефоне – ролики с гориллами обычно ее смешили, – но сейчас ничего не помогало.

Она проплакала все время, пока нам не пришла пора отвезти ее обратно в больницу. Она всхлипывала всю поездку и все еще не до конца успокоилась, когда мы оставили ее в палате.

– Уфф, неслабо, – сказал Кристофер по дороге домой. Его любимая футболка пропиталась потом.

– Ты уже видел ее в таком состоянии? – спросила я.

– Я видел ее истерики, но не думал, что они могут длиться так долго. Медсестры упоминали, что иногда она может кричать очень долго, но не говорили, что это может продолжаться часами. Думаешь, мы слишком торопим события? – спросил он. Судя по всему, он был потрясен.

Я взяла его за руку.

– Думаю, переезд дастся ей нелегко, возможно, это только начало.

– Я даже не знаю, что вызвало ее ярость. Мы сидели рисовали, и вдруг она просто взбесилась, безо всякой причины. Я ничего не говорил, ничего не делал, – у него в глазах читались вопросы, он мучительно искал на них ответы.

Я сжала его руку.

– У нее много происходит внутри такого, о чем мы даже не догадываемся.

– Просто обычно мне удается ее успокоить. А что случится, если я не смогу? – Лицо было обеспокоенным.

– К счастью, мы с ней не одни. – У Джейни каждый день было столько разных занятий, что я не понимала, как она находит время для чего-то еще. Каждый врач выдавал нам подробный отчет по уходу за ней.

– Ронда обещала дать нам кучу сенсорных игрушек, которые она использует в работе с брошенными детьми. Она говорит, такие игрушки здорово помогают им успокаиваться. У нее для нас еще много полезного. Всякие терапевтические игры и книги. – Ронда – это главный психолог больницы, и она работала с Джейни по два часа каждый день.

– Думаешь, все это и правда поможет?

– Конечно, – сказала я, стараясь быть сильной, хотя мне тоже было страшно.

Дело № 5243

Допрос Пайпер Гольдштейн

Я шурилась от солнца, светящего прямо в глаза, но это было не важно. Здорово снова быть на улице, даже если всего на пять минут. На какое-то мгновение я пожалела, что не курю. Тогда у меня был бы повод попроситься наружу хоть на минутку. Вместо этого я с полуобморочным видом спросила, не могу ли выйти на свежий воздух. Они посмотрели на меня с подозрением, но отказать не смогли.

– Только быстро, хочется закончить поскорее, – сказал Рон, будто мы уже были близки к завершению. Я на это надеялась, но сильно сомневалась. Мы еще не дошли до самого тяжелого. Они слишком много времени потратили на первый визит домой к Бауэрам.

Ханна мне потом позвонила и обеспокоенно спросила, не слишком ли много они на себя берут. Полицейским я об этом не рассказала, а они и не спрашивали. К тому же я знала, что они подумают, а это было не так. Она просто переживала. Она всегда была гораздо практичнее Кристофера в вопросах, касавшихся Джейни.

– Мы можем чем-то еще ей помочь? – спросила она меня тогда.

– Просто делайте то, что делаете, но, по правде гово-

ря, пройдет немало времени до полного психологического и эмоционального исцеления. Этого не случится, пока она не попадет в постоянный дом. Даже если она этого не осознает, она все еще не чувствует себя в безопасности. Ребенок не может чувствовать себя в безопасности, пока у него нет дома.

– И каковы перспективы?

– Многие хотели бы взять ее, – я потерла лоб, думая о сотнях страниц документов, которые мне еще нужно прочитать. – Это создает сложности, но это хорошо.

– Обнаружить родственников по-прежнему не удалось?

– Ничего существенного, – ответила я.

Это не совсем ложь – не было никакого смысла рассказывать ей, как я ходила к матери Бекки в тюрьму, это только сильнее бы ее расстроило, тем более что из нашей встречи ничего не вышло.

В поисках постоянного дома для ребенка мы всегда начинаем с родственников, а сейчас единственной, кого мы сумели отыскать, была мать Бекки, Сью Уотсон. Ее криминальное досье охватывало два десятилетия, и сейчас она в тюрьме округа Фодж ожидала решения суда после апелляции по поводу третьего обвинения в вождении в нетрезвом виде и небезопасном вождении. Я навещала ее на прошлой неделе.

Сью была настолько толстой, что складки кожи свешивались по краям алюминиевого стула. На ней был характерный оранжевый комбинезон. Обычно женщины в таких тонут, но

на ней он сидел в облипку. Длинные густые волосы лежали кудрявой копной, словно к ним много лет не прикасалась расческа. Она сложила руки на груди и уставилась на меня.

– Ты кто? – Зубы у нее были такие же гнилые, как когда-то у Джейни.

– Я Пайпер Гольдштейн. Мы разговаривали по телефону. Я социальный работник, занимающийся делом вашей внучки, Джейни.

– Зачем Джейни социальный работник? – спросила она, оглядываясь на других посетителей в набитой комнате, словно они могли подслушивать. Беспокорство было напрасным, часы посещения были короткими, и никто не думал о других.

– Суд назначает социального работника в случаях, когда ребенку требуется защита, – объяснила я теми же словами, что и в первый раз по телефону.

– А я тут при чем?

Я ненавидела об этом говорить, но выбора у меня не было. Государство настаивало, чтобы мы первым делом искали родственников, если это возможно. Иногда это срабатывало, но чаще всего нет. Родительская несостоятельность передавалась из поколения в поколение, и родственники, как правило, справлялись не лучше родителей. В случае с Джейни я заранее знала, что она не может жить ни с кем из родственников, Сю бывала под арестом даже чаще, чем Бекки.

– Мы пытаемся найти, куда лучше поместить Джейни, и

надеялись, что вы снабдите нас необходимой информацией.

Она оперлась о стол.

– Что за информация вам нужна?

– Все что угодно о Бекки и Джейни.

Она фыркнула.

– Я несколько лет ребенка не видела.

– Джейни или Бекки?

– Обеих.

– Раньше вы их часто видели?

– Я вырастила Джейни.

Я взялась за ручку. Это что-то новенькое.

– Не могли бы вы рассказать подробнее? – спросила я с журналистской интонацией в голосе.

– Бекки никогда не хотела ребенка. Она родила только потому, что слишком долго медлила и уже нельзя было ничего поделать.

– А что отец?

Она рассмеялась.

– Отец? Да Бекки не умеет держать ноги сведенными. Кто знает, кто там отец. Точно не Бекки. Она понятия не имеет, – она фыркнула. – Из роддома я привезла их к себе. Думала, дам Бекки второй шанс. Дам ей время отделаться от этой дряни, но мне следовало лучше ее знать, – она закатила глаза. – Через три недели она опять курила. Даже месяц с ребенком не пробыла. Однажды ночью ушла и больше не вернулась. Оставила меня с этим младенцем.

– Как долго ее не было? – спросила я.

Она снова засмеялась, так раскатисто, что живот затрясся под комбинезоном.

– Она объявилась, когда Джейни было два.

– И Джейни все это время была с вами? Больше ни с кем?

Она кивнула.

– Зачем Бекки вернулась?

– Она была чистая. Прошла какую-то шестимесячную программу. Я отдала ей Джейни, но обратно в свой дом я эту девчонку пускать не собиралась.

Я отметила эти даты.

– Какой была Джейни в младенчестве?

– Она никогда не спала. Знаешь, говорят, младенцы все время спят. Только не Джейни, – она покачала головой. – Как родилась бодрствующая, так и не спала.

– У нее были колики?

– Что это? – в замешательстве спросила она.

– Когда дети много плачут. Дети с коликами обычно мало спят.

– Нет, не то. Она была не такая. Она никогда не плакала. Просто не спала. Как я сказала. Лежала и глядела в потолок. Со мной не хотела иметь дела. Плевать, что я ее бабушка. Как думаешь, каково заботиться о ребенке, который не обращает на тебя внимания?

– Не знаю. Наверное, это было непросто.

Она пожала плечами.

– Ладно, поняла, ты не знаешь младенцев. Иногда попадают плохие.

– И что вы делали?

– Давала ей делать, что захочет, пока не подрастет, но тогда все стало только хуже.

– Что это значит?

– Ее невозможно было заставить что-то сделать. Если ей приказать, сразу начиналась истерика. Девчонка пиналась. Пыталась кусаться. Если не могла укусить меня, кусала себя. Никогда не видела ничего более ненормального, – она кивнула, соглашаясь с собственными словами и переводя дух. – Потом стала сдирать подгузник и писать куда попало. Не только в комнате, по всему дому. Какала когда вздумается. Сходила с ума и доводила себя до рвоты. Это было отвратительно. Ни один ребенок не смеет так вести себя в моем доме и громить его. Тогда-то я и начала устраивать ей взбучку, когда она совсем отбивалась от рук. Я всех детей так растила, – она многозначительно посмотрела мне в глаза. – У меня есть право врезать своему ребенку, когда он не слушается, так же, как и Бекки имела право врезать Джейни, если та не слушалась.

Все, кто бьет своих детей, как-то себя оправдывают. Обычно считают, что у них есть на это право. Некоторые даже подкрепляли свою правоту цитатами из Библии. Не припомню, сколько родителей цитировали мне стих «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына». Я не пыталась ее пере-

убедить. Она уже давно закрыта для детей.

– Вам не показалось, что с Джейни что-то не так?

Она наклонилась ближе и прошептала, будто мы были лучшими подругами:

– Ты когда-нибудь смотрела ей в глаза? Ночью они чернеют. Иногда мне приходилось дать ей подзатыльник, чтобы глаза снова стали голубыми. Понимаешь? – Она засмеялась, но я не сомневалась, что она всерьез. – Уж лучше бы я от нее избавилась. Поверь, я задумывалась об этом. А потом Бекки вернулась. Она была чиста и хотела вернуть Джейни. Ну и я такая: «Да ради бога, забирай!»

– Когда вы видели их в последний раз?

Она наморщила лоб, вспоминая.

– Года два-три назад.

– И какой тогда была Бекки?

– Ненормальная, как обычно. Снова под кайфом, болтала, что надо отвести Джейни в церковь, чтобы священник над ней помолился.

– Я знаю, вы уже говорили, что не знаете, кто отец Джейни, но вообще в жизни Бекки был мужчина?

Нам необходимо было отыскать биологического отца Джейни или любого другого мужчину, у кого могло быть первоочередное право на опеку. Даже если они не участвовали в ее жизни, мы должны были предложить им забрать Джейни. Такого ни разу еще не случалось. Папаши без гроша в кармане не воскращали и не приходили на помощь своим детям.

Но это еще одна галочка в отчете.

– Понятия не имею.

– Кто-нибудь из мужчин причинял Бекки боль в прошлом?

Она подняла брови.

– Да все.

Кристофер Бауэр

Мне не терпелось привезти Джейни домой, но масштаб задачи ошеломил меня, когда мы зашли в дом, и я замер. Холл тянулся передо мной к гостиной в деревенском стиле с оранжево-охристыми стенами, на которых я так настаивал. Комната купалась в солнечных лучах, освещавших каждую продуманную с любовью деталь, но ничто больше не казалось надежным или знакомым. Все изменилось, даже картины. Внезапно мы осознали, какое время нам предстоит. Мы с Ханной взяли по три недели отпуска, чтобы быть с Джейни, пока ей не найдут семью, и вот она у нас дома, и что нам с ней делать?

Ханна посмотрела мне на мое лицо, прочитав на нем то, чего я не мог сказать вслух.

– Может, поедим? – предложила она. Хотя еда оставалась болезненной темой для Джейни, она точно делала ее счастливой, и мы специально подгадали так, чтобы попасть домой прямо перед временем для перекуса. Ханна протянула мне руку, я ухватился за нее с благодарностью. Мы все вместе прошли на кухню.

Остальная часть дома была очень домашней и уютной, в приземленном стиле, обжитая, но только не кухня. Ее мы

планировали исходя из соображений практичности и функциональности. Обычно кухня становится сердцем дома, где проводят больше всего времени, но не у нас: мы оба ненавидели готовить. Я бы с удовольствием заказывал готовую еду каждый вечер или разогревал полуфабрикаты в микроволновке, но Ханна настаивала, что надо готовить. Поэтому все было устроено так, чтобы ей было удобно. Все полки были открытыми, чтобы она точно знала, где что стоит, и легко могла взять нужное.

На холодильник мы повесили маркерную доску, чтобы Джейни знала, когда она в следующий раз сможет поесть, ровно как в больнице. Часы стояли на кухонном островке. Мы купили точно такие же, как те, что использовали медсестры в больнице. Нашей целью было создать обстановку максимально похожую на условия в больнице, чтобы не нарушить ее распорядка. Мы надеялись, что приемная семья потом поступит так же.

Ханна отперла холодильник. Джейни отпустила мою руку и бросилась к нему. Глаза у нее расширились от изумления при виде того, что внутри. Наверное, она никогда раньше не видела полный холодильник, а наш ломился от еды. Все было аккуратно рассортировано и уложено в подписанные контейнеры.

– Джейни, я хочу, чтобы ты знала, это все твоя еда, – Ханна обвела рукой полки. – Вся. В нашем доме ты не будешь голодать. Мы всегда будем тебя кормить.

Джейни не ответила, она пожирала горы еды глазами и копалась в миске разноцветных, аккуратно нарезанных Ханной фруктов. Она показала на клубнику.

– Вот. Я хочу это, – сказала она.

Ханна достала клубнику.

– И это. И это. И вот это, – она с такой скоростью на все показывала, что мы едва успевали заметить, что именно она хочет.

Ханна засмеялась и достала несколько ломтиков сыра и салями.

– Не хочешь положить их на крекеры?

Джейни улыбнулась еще шире, и я смог выдохнуть. Я сел за стойку. Когда мы решали, что купить в кухню, я настоял на барных стульях, потому что мы редко ели на кухне. Мы обычно носили еду в гостиную и там смотрели очередное телешоу. Я улыбнулся, когда Джейни забралась мне на коленки. Может, мы проводили на кухне так мало времени потому, что нам было незачем. Ханна заставила столешницу едой и пододвинула второй стул. Я протянул руку и погладил Ханну по спине, она с благоговением смотрела на Джейни. Та запихивала еду в рот. Ханна улыбнулась мне, в ее глазах стояли слезы счастья.

Как выяснилось, я зря переживал. День прошел изумительно. Намного лучше, чем я ожидал. Мы втроем приютились на кровати Джейни с книжками. Мы уже больше часа

не шевелились.

– Еще раз, – сказала Джейни, когда Ханна дочитала книгу. Она обожала читать больше, чем что-либо еще.

– Ты же обещала уснуть, если мы прочитаем «Свисток для Вилли»³. – Ханна закрыла книгу и выразительно на нее посмотрела. Мы уже трижды читали эту историю. На часах было больше десяти вечера.

Она выпятила нижнюю губу:

– Я не хочу спать.

– Мы с Кристофером будем прямо за дверью, если что-то будет нужно.

– Если что-то понадобится, просто позови, и мы придем, – сказала я, глядя ее по щеке.

Джейни послушно кивнула. Мы поцеловали ее в лоб. Потом уложили в кроватку, накрыли одеялом до подбородка и уложили рядом игрушечных зверей. Она улыбнулась.

– Спокойной ночи, – мягко сказала она.

– Спокойной ночи, Джейни, – хором ответили мы.

Мы оставили дверь в ее комнату приоткрытой на щелку и плюхнулись на диван в гостиной. Отблески ночного освещения коридора отбрасывали тени на стены. Я закинула ноги на кофейный столик и глубоко вздохнула. Но только мы успели устроиться на диване, как Джейни вышла из комнаты с динозавром в руках.

– Привет, – сказала она. – Что делаете?

³ Детская книга Эзры Джека Китса.

Я посмотрел на Ханну, мы оба старались не засмеяться.

– Отдыхаем. И тебе тоже стоит отдохнуть, – сказал я. Я взял ее за руку и отвел обратно в комнату, где укутал, как раньше.

Едва я сел, она снова вылезла из кровати, и это уже было не так весело. Следующие два часа мы по очереди повторяли ритуал, отводили ее в кровать и укладывали. С каждым разом задача становилась все труднее, под конец мы волоком тащили ее в спальню. К часу ночи мы оба вымотались.

– Почему ты не ляжешь с ней? – спросила Ханна. – Она наверняка уснет, если ты будешь рядом.

– Знаю, но Пайпер настаивала, чтобы мы с ней не спали.

Пайпер было очень важно, чтобы она спала одна, иначе ей станет еще сложнее переехать, когда придет время. Мы старались облегчить ей переезд, а не усложнить его.

– В первую ночь хуже не будет, а одна она там явно спать не собирается, – сказала Ханна.

– Наверное, хуже не будет, – я пожал плечами.

Ханна принесла простыни и одеяла из платяного шкафа в коридоре.

– Что ты делаешь? – спросила Джейни, снова выходя из своей комнаты.

– Кристофер ляжет спать на полу у тебя в спальне. Это поможет тебе уснуть? – спросила она. Она пыталась говорить спокойно, но я слышал усталость в ее голосе.

– Да! – Джейни захлопала в ладоши, светясь от воодушевления.

ления.

Я помог Ханне все отнести и соорудил постель на полу, а Ханна принесла подушку из нашей спальни.

– Джейни, ложись и засыпай, – сказал я.

Она без лишних слов запрыгнула в постель.

– Спокойной ночи, – прошептала Ханна, протягивая мне подушку, на цыпочках выходя из комнаты и гася свет.

Я лежал на полу в ожидании, пока глаза привыкнут к темноте. Постепенно я стал различать очертания ее комнаты. Кроватка была придвинута к стене, с другой стороны мы сделали бортик, чтобы она не упала. Одеяло было ярко-желтое, усеянное крупными розовыми цветами. Ее любимые игрушки из больницы выстроились по периметру кровати. В центре комнаты лежал круглый фиолетовый с синими полосками ковер. Мы еще многое хотели для нее приобрести, но не было смысла заполнять комнату вещами, ведь она не должна была прожить у нас долго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.